П 29
34

ПИОНЕР 21

ИЗД-ВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА" 1934 г.

К борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

№ 21

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ.
Адр. ред.: ул. Горького, 8, тел. 5-60-76.

Ноябрь 1934

Н. Шебалдина

На обложке рисунки чукотских ребят

Чукчи

Рис. В. Губина

Прикол.

Вот в тундре едут чукчи на собаках. Собаки запряжены в легкие сани—нарты. Нарты легкие: их можно поднять двумя пальцами. Полозья их покрыты льдом, чтобы легче скользили по снегу. Спереди полозья сильно загнуты вверх, переплетены между собой моржовым крепким ремнем, а головки их соединены дугой — бараном. К барану привязан длинный ремень; к ремню припрягают с обеих сторон собак. На шее у собак хомутики из мягкой кожи.

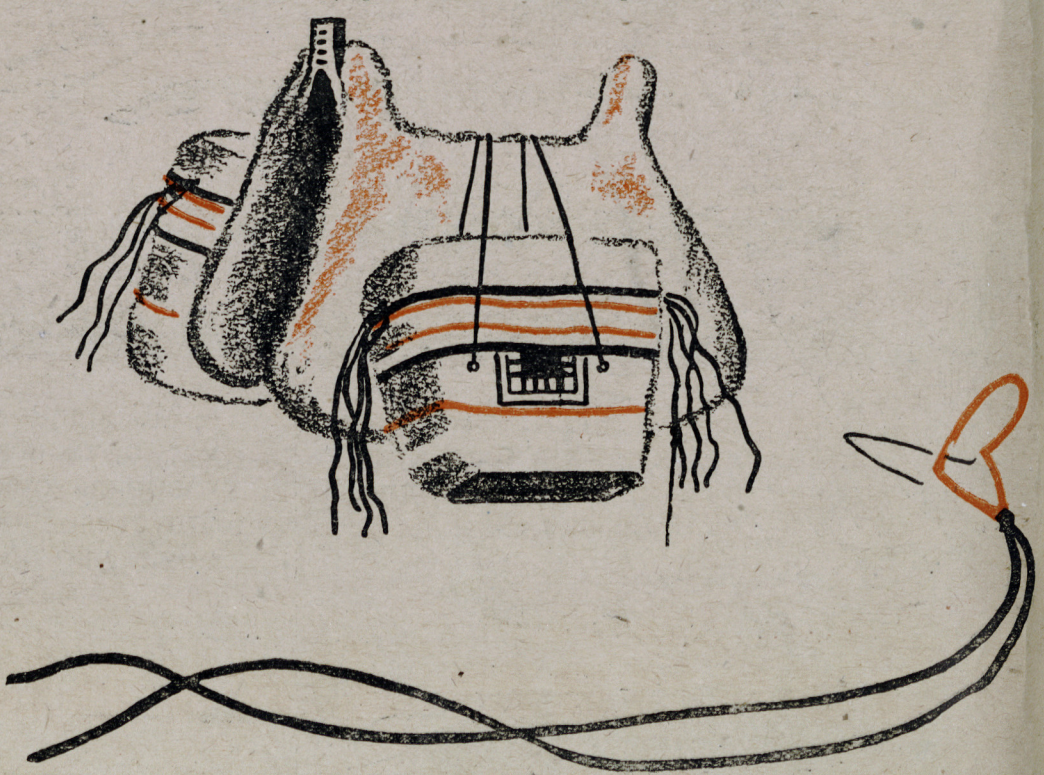
Впереди бежит передовая собака. Она поминутно оглядывается на хозяина: не упал ли он с нарт. Если он упадет, она должна повернуть к нему упряжку, а это нелегкая задача. Собаки мчатся во весь дух и нимало не заботятся о хозяине. Они рады, что за их спиной прекратился звон железных колец, прикрепленных к тупому концу длинной палки; эта палка заменяет кнут в руках нартовщика. Повернуть назад свору можно только хитростью. И вот передовая собака начинает делать круги, не уменьшая быстроты бега, потом суживает круги и, наконец, останавливается перед хозяином.

Собачьи нарты — очень узкие. Между полозьями такая ширина, как между следами собак, бегущих рядом в упряжке. Это потому, что в тундре нет дорог, и нарта должна скользить по следу, проложенному собаками.

Тундра вся покрыта большими кочками и пнями. Собаки легко обегают все препятствия, а нарты не успевают за всеми поворотами упряжки. И вот нартовщик на всем ходу соскакивает с санок и отдергивает их за дугу от пней. Ездить на нартах—это искусство. Нартовщик ни минуты не сидит спокойно. Он перескакивает с одной стороны нарт на другую, стараясь сохранить равновесие санок, и бороздит землю острым концом прикола, замедляя бег собак, или же погоняет свору звоном колец, что на тупом конце прикола.

Корзина из коры, обшитая мехом.

(Продолжение на третьей странице обложки)



Верховая оленья упряжка.

СЕМНАДЦАТЫЙ ОКТЯБР

Картины Октября

Г.П.Б. в Лнгр.
Ц. 1984 г.
Акт № 809

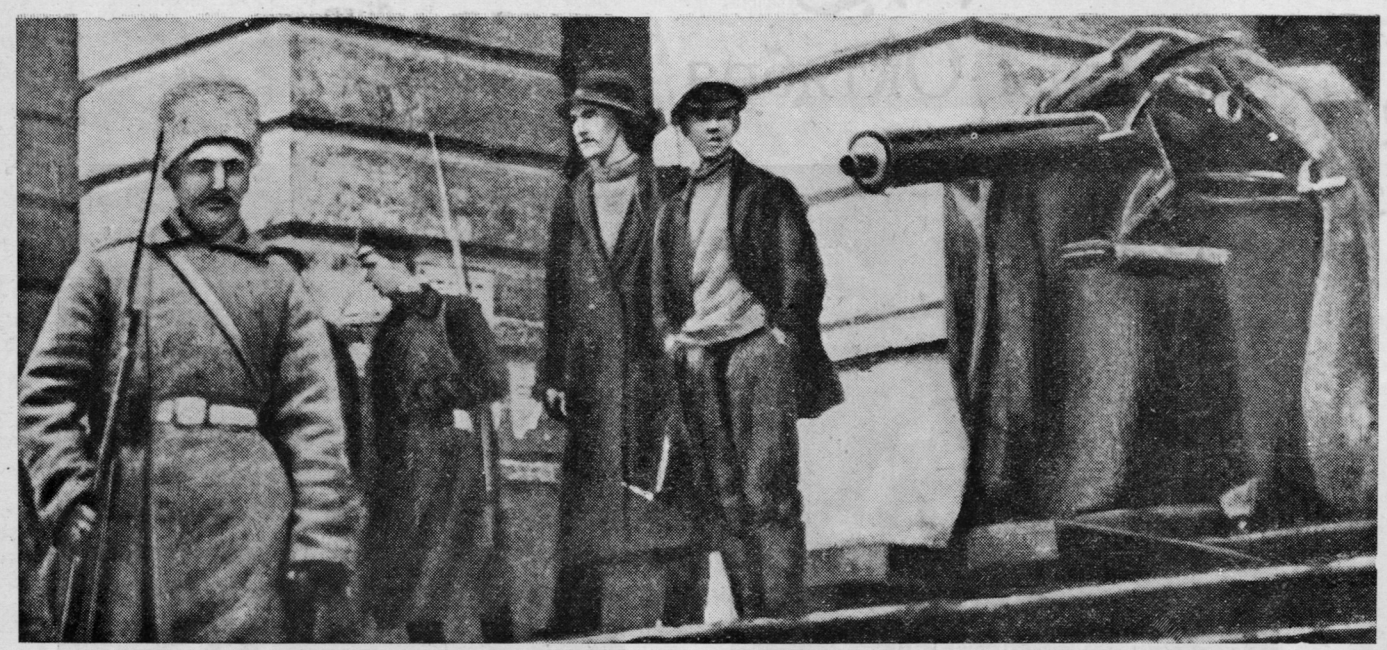
П 29
34

Винтовки в руках, патронные ленты на поясе—так красногвардейцы шли в атаку на Зимний, против юнкеров.

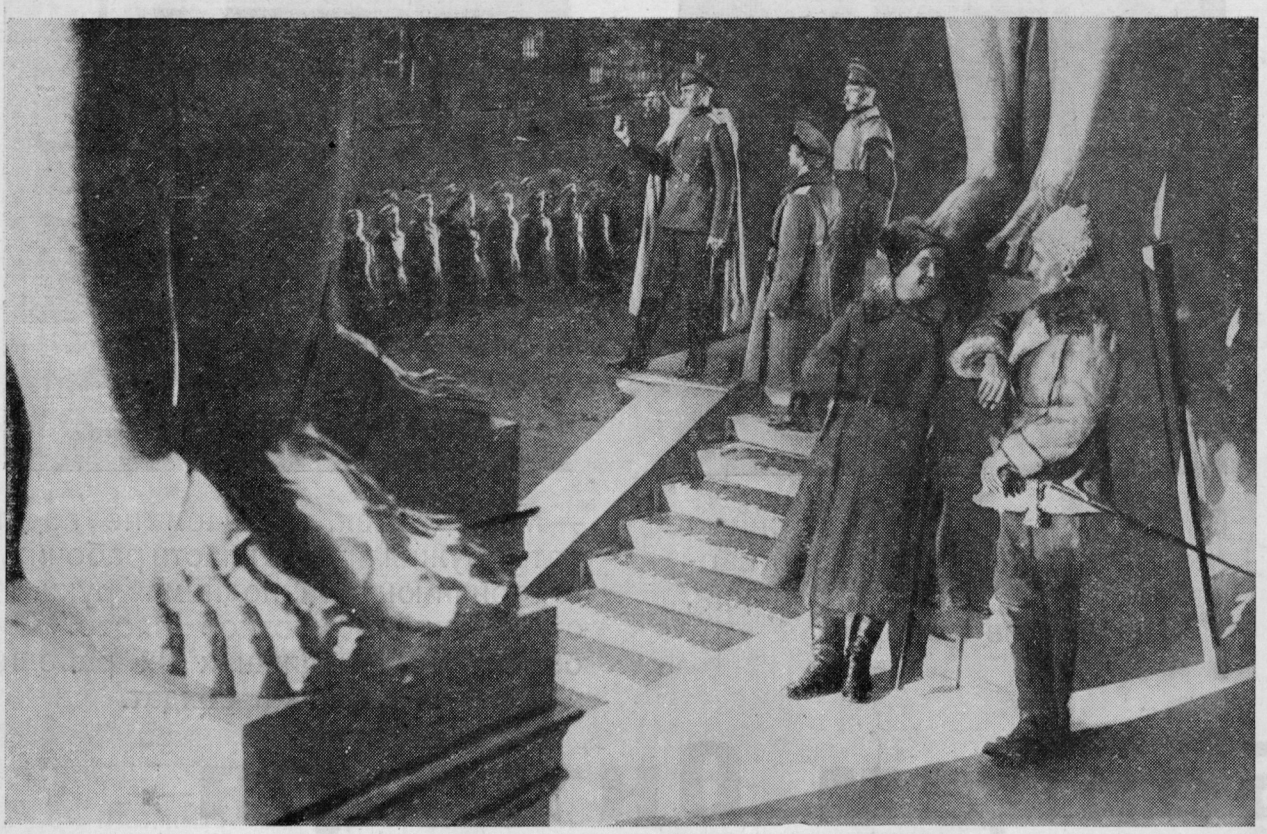
—Мы сдаемся, обещаем не поднимать оружия против власти рабочих,— говорили юнкера, поднимая руки. Их отпустили на честное слово. Они обманули пощадивших их рабочих, матросов и солдат.

Бойцам Октября— пионерский привет!

Картины Октября



Под'езд Смольного. Из Смольного большевистский штаб во главе с Лениным и Сталиным руководил восстанием. У Смольного красногвардейцы. Они в боевой готовности.



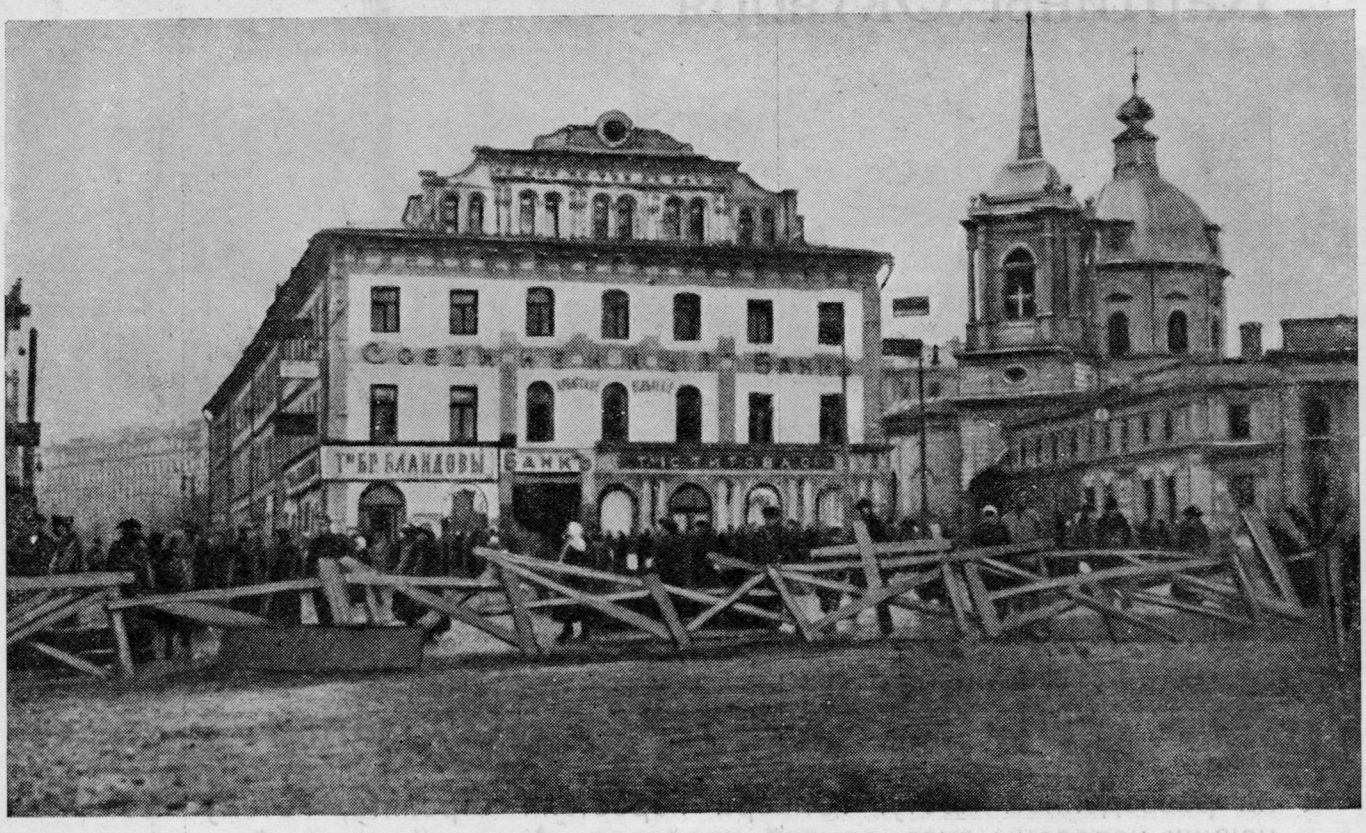
Зимний дворец. Здесь укрывалось Временное правительство. Его защищали юнкера под командой офицеров и женский батальон.—Защитим Зимний от большевиков,—говорит офицер.—Ура!—кричат в ответ юнкера.

Картины Октября

Слева юнкера — справа матросы. Они стоят друг против друга на разведенном мосту. Юнкера перестали стрелять, потому что на них наведены дула орудий крейсера „Аврора“, который подходит к мосту.

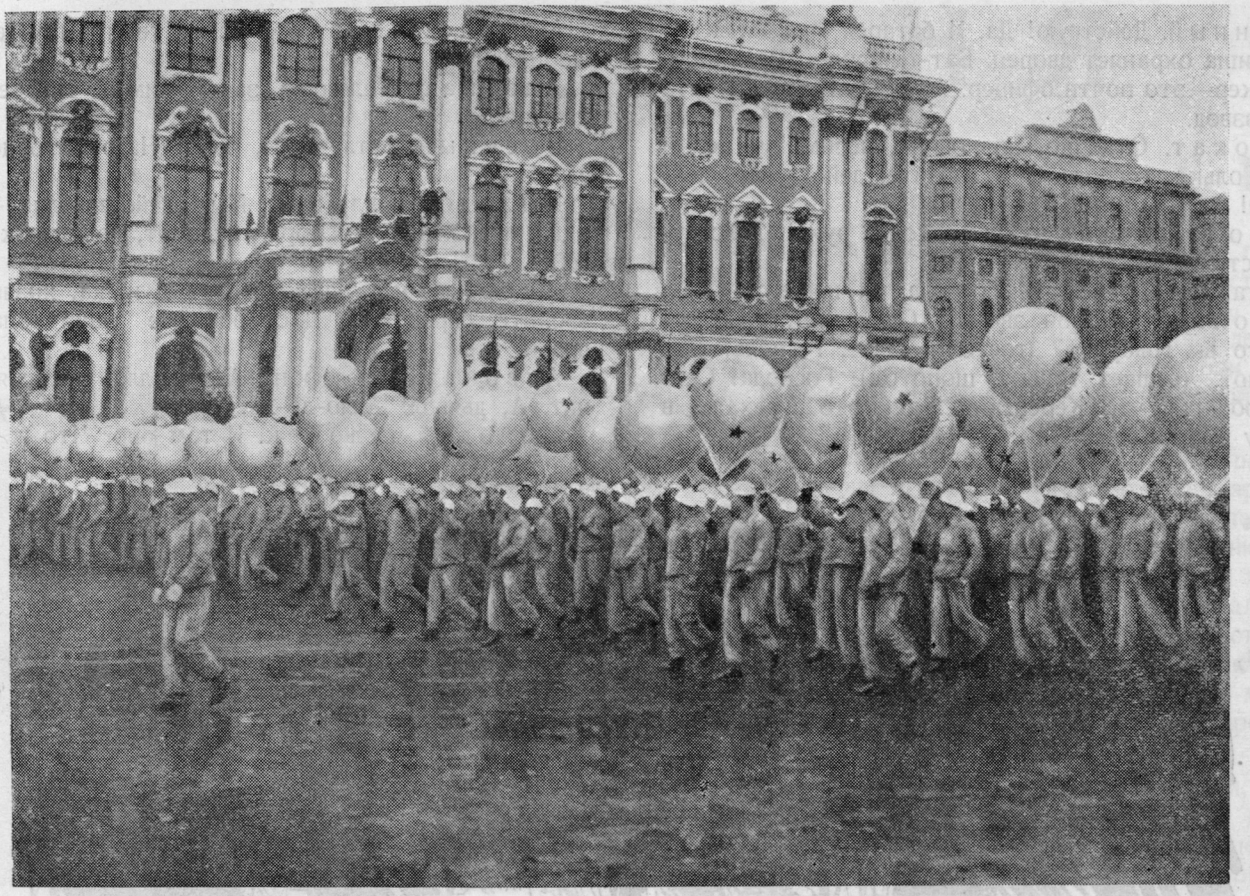
Зимний дворец. Он не очень ясно виден, потому что снимали в сумерки. Редкая фотография. Снимали ее как раз 25 октября 1917 года, в ту самую минуту, когда вооруженные рабочие, солдаты и матросы под руководством большевиков брали Зимний. На фотографии атака на Зимний дворец.

Картины Октября



Октябрь в Москве. Это баррикады у Арбатских ворот. У баррикад дрались в 1917 году красногвардейцы с юнкерами. Арбатские ворота были одной из самых неудобных площадей в Москве. Ворот тут на самом деле не было. Площадь была тесная, неудобная, мощеная булыжником.

Та же Арбатская площадь через 17 лет. Церкви уже нет. Нет и домишка перед церковью. Зато вырос огромный домина Моссельпрома. С Арбатской площади убраны все маленькие строения, мешавшие движению. Она покрыта асфальтом. Здесь будет станция метро. Вспоминая места октябрьских боев, пройдут бойцы Октября по площади в рядах могучей Октябрьской демонстрации.



У Зимнего дворца. В память Октябрьской победы ежегодно в ноябре и мае мимо Зимнего проходят колонны ленинградского пролетариата. Люди с баллонами— отряд осоавиахимовцев на октябрьской демонстрации.

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ

Б. Ж. **Рис. П. Митурича**

Дело было в октябре, 24-го числа. Вечером у адвоката были за столом: дама в шолковом платье, военный в полковничьих погонах, фабрикант и молодой человек из канцелярии сената.

На столе графинчики, бутылки, заливное на блюде и целый хоровод закусок.

Адвокат. Нет! Полное право имеем выпить. Во-первых (адвокат при этом встал с бокалом в руке), правительство распорядилось заткнуть рот большевистским газетам: обе приказано закрыть!

Фабрикант. А закрыли? Так ли?

Военный. Полковник Полковников пришлет юнкеров с пулеметом-с. И пулемет скажет так-так-так-так! И будет так.

Дама. Та-так-так! Ах, полковник, еще, еще! Хорошенько их! Ну, пожалуйста!

Адвокат. Во-вторых! Налейте, господа! Советских комиссаров арестовать и отдать под военный суд—приказ Керенского.

Дама (взвизгивает). Душка Керенский! Вот, вот он (достает из ридикюля карточку Керенского, тычет всем, потом целует, ставит перед собой). Он нас спасет. Закусывайте, действуйте.

Военный. Не он—пулеметы-с! Юнкера-с! Действуйте.

Молодой человек. Ему не надо пулеметов, он уговорит, уговорит как пулемет, лучше даже. Он уговаривает наповал. Я его слушал и плакал.

Фабрикант. А я уже наплакался.

Дама. Фу, ворчун, не каркайте!

Адвокат. Господа! Встаньте! Возьмите в руки бокалы. Я об'являю вам: все партии: меньшевики, эсеры, даже еврейский Бунд — все против большевиков. Они одни — доигрались наконец. Ура! Да действуйте, господа!.

Молодой человек. Действуем, действуем. Но, господи боже! Да я всегда говорил, что русский народ—умный народ. Ну побаловались, а теперь все едят семечки, честное слово, все щелкают подсолнухи.

Фабрикант. А вот это кто щелкает? Слышите в форточку?

Адвокат. Неужели вы не знаете, что один выстрел войны не делает. Успокойтесь, правительство на своих местах, все. Действуйте же! Прошу, господа, стынет. Полковник, прошу!

Военный. Действую! Да. И батарея Михайловского училища охраняет дворец. Бат-та-ррре-я! Ведь каждый юнкер—это почти офицер. А каждый офицер—это почти взвод.

Адвокат. Отлично, полковник, верим: вы целый полк! Только, господа, закусывайте, действуйте, действуйте!

Молодой человек (с вилкой в руке). Действуем, действуем.

Дама. За Керенского! Господа, за нашего...

Адвокат. Телефон звонит! Одну минуту. Алло! Что, что вы говорите? (гостям). Тише, господа! Это секретно?.. (вешает трубку, шопотом). Господа! Сейчас сообщили, что Керенский... как это... уехал... в Гатчину что ли.

Молодой человек. Дайте телеграмму генералу Корнилову.

Адвокат. Телеграф занят «ими». На телефоне юнкера!

Военный (встает). И, чорт! Надо было действовать!

Молодой человек. Мы... действовали...

Дама. Хватайте скорей пулемет, полковник, дорогой!

Фабрикант. Да верно ли? А ну-ка, хозяин, позвоните, справьтесь. Даст бог, все ваши знакомые врали.

Адвокат (в телефон). Алло, алло! Станция! Молчит. А, дьявол! Алло-ло-ло!

Молодой человек. И там они? Что ж это?

Военный. Сбежал?

Дама (прижимая к груди портрет, вскрикивает). Не верю!

Адвокат (шопотом). В Гатчину, на машине. Переодетый.

Военный. Бабой, наверно. Ему к лицу—главноуговаривающий.

Молодой человек. Боже! Кто же их теперь уговорит?

Военный. Юнкера и пулеметы!

Дама. Ну, берите скорей пулемет и так их, так-так-так.

Фабрикант. Надо складываться и того—фюить!

Адвокат. Вокзалы заняты «ими».

Дама. Я домой, домой!

Адвокат. На мостах матросы. Поздно, сударыня.

Горничная. Поглядите в окно, народу-то что!

Военный (бросается к окну). Солдаты, солдаты... И пулеметы.

Дама. Ах пулеметы, пулеметы! Куда это?

Горничная. Сказывают, на Зимний.

Дама. Тушите свет, нас увидят. Скорее, скорее, и молчите! Тсс!

Молодой человек (тушит свет. Все молчат).

Горничная. Барин, жаркое сейчас что ли подавать аль погодить?

Адвокат. К чорту! Не до жаркòго, самим бы живым остаться!

ПЕКАРНЯ

Б. Житков **Рис. С. Бойма**

Как-то раз, на пирушке у товарища, меня обидели, хозяин не заступился, я хлопнул дверью и вышел, не попрощавшись.

Это было как раз недели через две после того, как ушли от нас красные и в город ввалились белые.

Дело было в слободке. Места я не знал и злыми шагами пошел наугад вдоль забора. Но забор кончился, и скользкая, мокрая дорога пошла под гору. Я очутился в овраге. Наверху, на той же стороне, мутными зубьями чернели лачуги. Я стал карабкаться вверх по липкой грязи, но пьяная лень одолела—я лег на мокрый откос и решил ждать до утра.

Я уже стал засыпать, как вдруг почувствовал, что на мою мокрую кепку хлынула волна не то песку, не то какого-то зерна. Я насторожился. Волна повторилась. Я схватился рукой: не зерно, не песок, а сухая земля. Я привстал и глянул наверх: две человеческие фигуры маячили на краю оврага. Теперь я ясно увидел, как они вывернули мешок. Сухая земля снова докатилась до меня. Хмель соскочил с меня. Все Пинкертоны, которых я читал, вихрем закружились в голове. Я обрадовался, что не крикнул.

Я шопотом сказал себе:

— Федя, не зевай шанс, здесь тайна. Ты один, без помощников, откроешь ее.

Я взял горсть этой земли и сунул в карман. Шерлок Холмс, пожалуй, тоже не прозевал бы!

Наверху фигуры исчезли. Я встал на четвереньки и кошкой пополз наверх. Я осторожно огляделся. Передо мной был поломанный забор. Наверное, они ушли туда. Я боялся переступить: во дворе, наверное, собака. Я воровски обошел двор и оказался на улице. Направо я увидал пароконный фургон и трех человек около него. Яркий свет из отворенной двери освещал всю группу. Я прислушался: они говорили не по-русски, а на каком-то кавказском наречии. «Теперь осторожность и храбрость: надо пройти мимо них и заметить лица».

Пьяной походкой я прошел по мосткам, я был весь в грязи, и меня легко было принять за гуляку. Я помотывал головой. На фургоне я успел прочесть: «Пекарня Тер-Атунянц». Я осторожно мазнул глазами по лицам—так и есть, бородатые кавказские лица. Один высокий кривой: левого глаза нет. В освещенную дверь я увидел внутренность обыкновенной булочной.

— Тьфу, кажется, я зря пинкертонил! Обычное дело: всегда по ночам развозят хлеб в булочные. Пожалуй, они не сыпали землю. Я прошел еще десять шагов и пьяно прислонился к забору. Кавказцы замолкли.

Боком глаза я следил за ними из темноты. Вдруг высокий повернулся и пошел ко мне по мосткам. Он стал вплотную против меня, чиркнул спичку и поднес к моему лицу. Признаюсь, душа сползла у меня в пятки. Я, как мог, распустил губы и сопел носом: «Кто такой?»—сказал кавказец и опять чиркнул спичку. Я приоткрыл глаза. Лицо его показалось мне страшным, будто дуло из кустов глядел из-под брови его единственный глаз. Он что-то крикнул своим, и те двое затопали ко мне по мосткам.

— Ты здешний, слободский?

— Нет,—просопел я и помотал головой. Но двое взяли меня за руки, а третий стал шарить по карманам. Он нащупал землю, захватил ее в горсть, что-то крикнул своим, и меня повели в булочную. На свету они рассматривали землю, а косой крепко держал меня за руку. Немилым глазом смотрели они на меня.

— Городской, говоришь?—сказал кривой.—Заблудился? Подвезем.

Вот мы в'ехали в город, замелькали уличные фонари. Из фургона я увидал собор. Вот Государственный банк, и часовой у фонаря. Вот свернули в переулок, и фургон стал. Меня под руки ввели в пекарню, крепко пахнуло свежим хлебом. Ранние покупатели толкались у прилавка. Мои провожатые весело гоготали. И вот я уже в задней комнатке, голые лавки по стенам, деревянный стол, счетная книга и тусклая электрическая лампочка с потолка. Кроме тех двух, что меня привели, появилось еще двое. Кривой начал допрос:

— Зачем землю брал?

Я сказал, что взял землю спьяна, наобум, и сейчас же стал говорить про себя. Сказал, что я дорожный мастер, что сейчас я без места, что кавказцев люблю, потому что работал на Кавказе, делали тоннель.

— Это вам не хлеб печь! Это, знаете, с одной стороны гору копают, а с другой—им навстречу. Одни других не видят, а надо, чтобы сошлись.

Я уже развалился, размахивая руками, слюнил палец и чертил на столе.

— Гора каменная, работа трудная, а вдруг попадут мимо, не сойдется—миллионы пропали. Инженер ночей не спал. Вот пришло время, вбегает инженер, бледный, вот как эта стенка. Что, спрашивает, не слышно? Нет, говорим, не слыхать. Ничего не сказал и убежал. Убежал и застрелился. А через полчаса мы через дырочку уже прикуривали у тех, что с той стороны. И весь тоннель сошелся, будто кто гору буравом просверлил. Это вам не калачи в печку сажать.

Я глядел на них, как они слушали. У всех глаза блестят, по коленкам себя стукают, повеселели. Вижу: моя взяла. Я поднялся.

— Так вот то-то, говорю. Дайте мне теперь закурить, и я пошел, а то, гляди, уж день на дворе. Но кривой взял меня за руку и придавил к лавке.

— Ты сиди, никуда отсюда не пойдешь... Хочешь быть живым, месяц будешь у нас работать.

Я посмотрел на всех, все серьезно глядят.

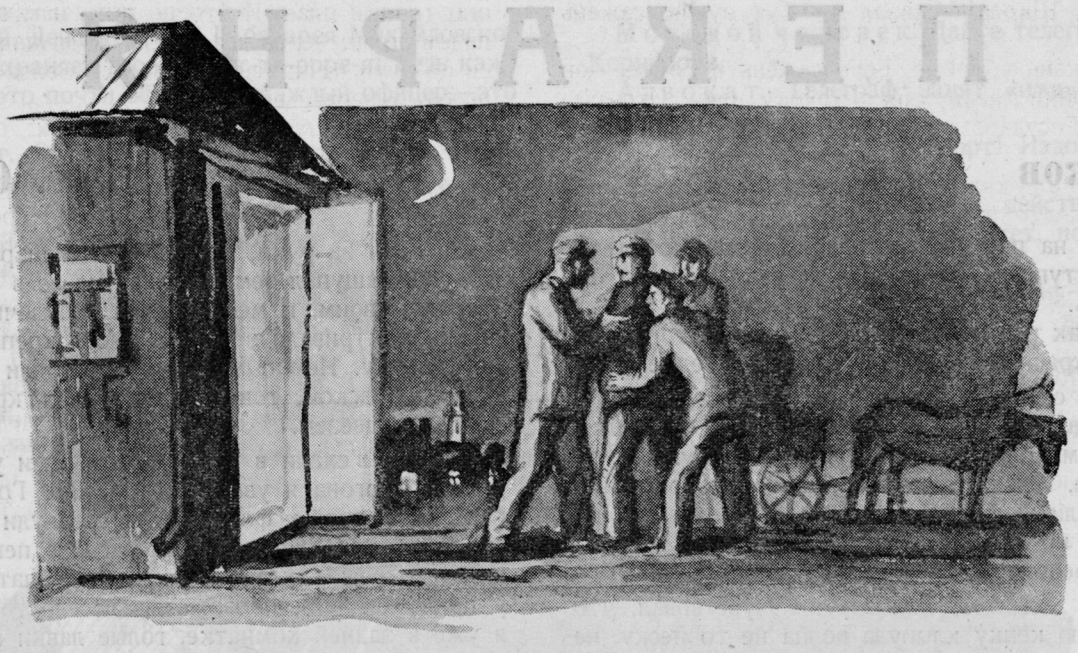
— Бросьте,—говорю,—шутки шутить. Уж седьмой час наверное! Смотрю один, маленький, против меня на лавке сидит и из-под полы кинжал показывает. Новенький, блестящий. То на меня глянет, то на кинжал. Я последний раз попробовал.

— Да вы что в самом деле?—сказал я.— Это же...

И тут я заплакал. Они молчат. Я бросил плакать. Тогда кривой стукнул ладошкой об стол, как камнем кинул.

— Плакать еще потом будешь. Слушай дело. И тут он рассказал мне, в чем дело.

Они сняли пекарню. Для вида пекут хлеб, а сами ведут подкоп наискосок под улицей в Государственный банк, в самую главную кладовую. Значит, роют тоннель. Ты, мол, тоннельный мастер, ты нам нужный человек, и вот мы тебе доставим все, что надо, веди



Двое взяли меня за руки, а третий стал шарить по карманам.

нашу работу. Время у нас осталось две недели. До того времени ты из тоннеля не выйдешь, а если в кладовую тоннеля не потрафишь, тогда в этом тоннеле тебя и закопаем.

Я спрашиваю:

— Живого?

А они смеются.

— Что ж,—говорят,—можно и живого, тебе от этого пользы мало будет. Понял?—спрашивают. Я подумал: «Куда ж я это попал? Что за люди? Ну, Федя, влопался ты. Страшные это люди».

А они в полу открыли люк. Там у них в полу отделан ход и целая горенка с электрическим освещением. Хороший стол. Вижу, на нем два плана. Но мне уж было не до того! Голова у меня с похмелья гудела как завод. Я искал глазами, где прилечь. Около стены было пригорожено что-то вроде нар. Я повалился на постель в надежде, что проснусь и все окажется смешной шуткой. Только кинжал все поблескивал в памяти и не давал покою. Однако заснул я довольно скоро.

★

Когда я проснулся, двое кавказцев спорили за столом. Я смотрел на них прищуренными глазами. Пусть думают, что сплю. Один был молодой, с бритым подбородком. Другой был в бороде с проседью. Он поминутно снимал пенсне и стукал им по чертежу. Пенсне меня успокоило. Они спорили во весь голос. Я сел на койке и крякнул. Оба сейчас же смолкли и обернулись ко мне. Седоватый сейчас же подскочил к койке и быстро заговорил:

— Кушать хочешь? Чай пить хочешь? Вина немножко хочешь? Курить хочешь? Скажи, чего хочешь?

Он очень ласково смотрел на меня. Молодой так и держал руку в волосах и черными глазами на рыкате пристально меня разглядывал. Седоватый прошел в глубь комнаты, там чернел проход в рост человека, с метр в поперечнике.

— А как тут вас звать?—спросил я молодого.

— А зови, как хочешь. Скажи, как хочешь. Мы запомним.

Он совсем чисто говорил по-русски.

— Ну зови его, «Старичок», а меня «Земляк».

Он засмеялся. Я глаза раскрыл с перепугу. Мне показалось, что во рту у него вдвое больше зубов, чем обычно бывает у людей. Будто весь рот зубами усажен. Белые и крепкие как камень. Если такой укусит, подумал я, но не додумал.

«Земляку» видно не терпелось.

— Слушай, мастер. Иди сюда,—и он нетерпеливо хлопал рукой по плану.

— Скажи, пожалуйста,—говорил он,—вот улица. Вот видишь: трамвай. Вот здесь, видишь: красным,—это наш подкоп. Вот тут канализация. А вот тут какие-то кишки протянуты,—должно быть, освещение.

— Постой,—сказал я.—Почему ты знаешь, что ваш ход идет так?

— Как почему? Компас. Вот север,—он показал на верх плана.—Вон видишь стрелку? Там начерчено, где север. Ты же знаешь, как на планах? Ты же мастер.

— Что ж,—сказал я,—вы прочертили прямую от пекарни до банка. По ней ведете подкоп. Направление держите по компасу. И думаете попасть как раз в кладовую, когда пройдете эти сто сорок саженей по плану. И думаете, как гвоздь вобьете?

— А что, нет? И вобьем! — сказал «Земляк» — и со всей силой ударил кулаком в грудь. Хорошо еще, что в свою, а не в мою.

— Ух, какой ты умный!—я прищурился на него и маленько головой поматывал. — Какой ты страшный!

Он еще больше выпучился, а потом вдруг заулыбался:

— Мастер, говори! А что, нет, не попадем?

— Какой ваш план?—стал кричать я. Я схватил со стола план и тряс ему перед носом.—Верста в дюйме! Ты мне покажи тут сажень, сажень ты мне покажи. Ну, какая она? Такая? Такая?—показывал я на ногте крошечки.

Земляк мой совсем обтек, глядел на меня—вот заплачет. И вдруг зашептал жалобно:

— Она очень маленький, сажень, совсем маленький,—бедняга от волнения и русский язык забыл.

— Ну, скажи, дорогой, как делать? Я могу понимать, я учился Винодельческая школа.

— Эх, ты! Школа!—сказал я.—Тут нужно сажень в дюйме.

— Вот сажень в дюйме. Есть сажень в дюйме,—он схватил с койки свернутый в трубку план. Это был план здания Государственного банка, подробный, точный.

— Это банк!—кричал я.—Нужно улицу и город, а с этим планом мы попадем во двор, да кто его знает, может, прямо в караульное помещение к солдатам. На этом плане ты не можешь указать сажени, а ошибка в один аршин может загубить все дело. Это — барахло, а не работа.

Сам не понимаю. Я орал как в строительной конторе на работах. Как будто я не пленник, а инженер и передо мной стоит прораб, который прошляпил дело.

— Верно, верно,—шептал «Земляк». Он вдруг сорвался, бросился в черный проход и что-то кричал на своем языке.

— Остановить работы,—приказал я. Чорт знает, что на меня нашло. Я уже говорил «мы», «нас». Как будто в самом деле попал на постройку.

— Он уже кричал остановить,— сказал «Старичок» и кивнул головой в проход. Я сел на койку, взял котелок и стал важно, не спеша, есть. В это время в мою контору из прохода стали входить люди. Они были все в земле, на коленках подушки, прикрученные веревкой мешки.

— Подожди,—сказал я. Пришел и «Земляк». Они все стояли в проходе, разглядывали меня.

Я пошел в проход. Люди расступились и пропустили меня. Проход быстро понижался. Я зацеплял потолок головой. Вдали светили оставленные людьми фонари.

Скоро мне пришлось стать на четвереньки Наконец, мне попалась под руку лопата, потом кирка. Вот свежекопаная земля. Ага, вот конец. Так, саженей пятьдесят накопано. Но что это за работа: нигде не подперто, каждую минуту земля могла обвалиться и засыпать работников. Но такое дело, что пожарных не вызовешь. Или аварийную команду. Я пополз назад. Все выжидательно смотрели на меня. Я минуту молчал и хмурил брови. Меня злило, что так по-дурацки начато дело. Все молчали. Ждали.

— Вы копаете себе могилу,—сказал я наконец.—Нужно достать план водопроводных работ этого района. В городской управе, у Петра Афанасьевича Мышкина... Запомнил? — тыкал я «Земляка». Он нырнул рукой в волоса и крепко зажал их в кулак.

— Повтори,—сказал я.

— Петру Афанасьевичу Мышкину,—прошептал «Земляк».

— Громче!—крикнул я. «Земляк» повторил во весь голос.

— Чтобы к вечеру было! Все переглянулись и оскалили зубы. Я спохватился: с разгону я не сообразил, что не знаю, который час.

— Сейчас девять вечера,—сказал «Старичок».

Вышло, я чуть-чуть сорвался. Но я не сдал ходу.

— Ну так к утру!—я скорей отвернулся и стал разглядывать план Государственного банка. Трое землекопов ушли в проход. «Старичок» и «Земляк» поднялись вверх по лестнице. Я остался один. И вдруг тоска налетела на меня. Чорт возьми, они копают эту яму наобум Лазаря. К дьяволу в зубы! Достанут ли они точный план. И что по пути нам встретится? Попадем ли мы через две недели, куда надо, если нарвемся по пути на каменный массив? Сейчас они меня слушают, а через две недели...

Я вспомнил кинжал и сказал вслух:

— Как барашка!—и внутри у меня замутило. То я старался глазами пронизать всю толщу земли от нас до банка, то вдруг ноги неудержимо просились к лестнице, головой пробить этот люк на потолке и броситься вон, к двери, на волю. Пусть на дороге зарежут. Только на свету, а не в погребе. Я уж невольно двинулся к лесенке, как вдруг люк отворился и спустился кривой. Он уставился на меня и стал шопотом говорить:

— Ты смотри. Ты помни. Две недели—пасха. Ваш русский пасха. В банке не будем—тебя не будет. На волю дырку не копай. Вперед тебя наши будут. Ты последний идешь. Или в банк или на тот свет дорогу копаешь.

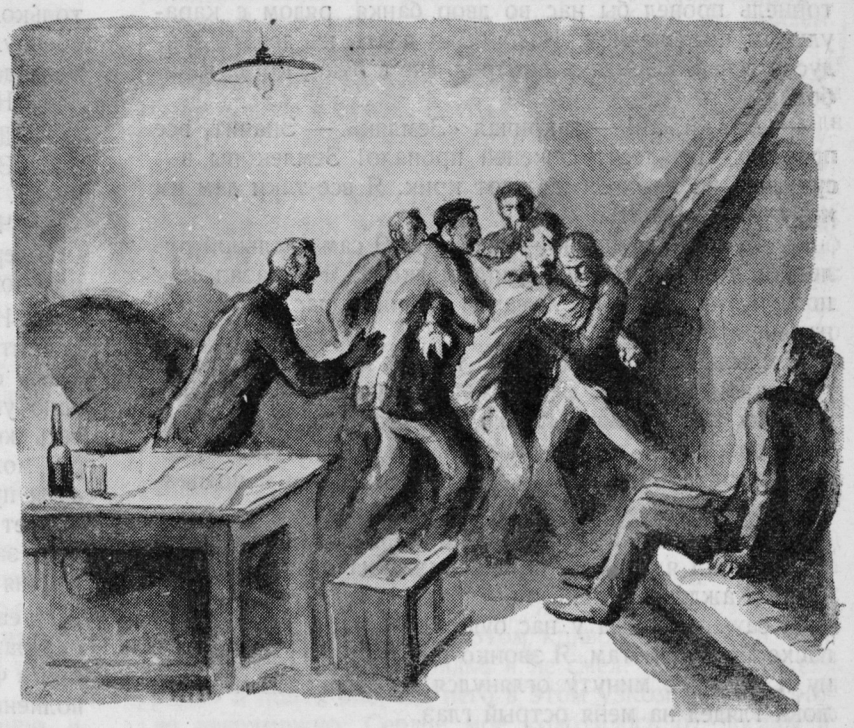
Я решил осердиться:

— Что ты меня пугаешь? Я уже пуганый. Я вам дело говорю, а нет...

— А нет, мы другой человек поймаем. А тебе здесь могила будет.

На минуту я струсил. Так он страшно глядел на меня своим глазом. Я его так возненавидел, что мне стало все равно. Я отвернул голову, чтобы не глядеть, и со всего маху стукнул кулаком по столу.

— Да пошло оно все...—заорал я не своим голосом. Но в это время из прохода высунулись землекопы. Я не знаю, что тут вышло в этой подземной клетушке. Помню, что была возня, и я забился в угол на койку.



Я не знаю, что тут вышло... Помню, что была возня и я забился в угол на койку.

Они что-то кричали по-кавказски, и все навалились на кривого. Потом он быстро взбежал наверх. Землекопы мои запыхались. Потом один присел ко мне и сказал, запыхавшись:

— Ты не серчай ему. Нервный человек. Ему штыком солдат глаз колол.

— Я-то чем виноват?

У землекопов в земляной нише была керосинка,

харчи. Мы пили чай, и все опять похоже на то, как будто я на работах, а они сезонщики. Я закурил и заснул с папироской во рту. Меня разбудил «Земляк». Он принес-таки план.

— Настоящий план района в крупном масштабе!— внизу была подпись городского архитектора и печать городской управы.

— Ловко!—сказал я. «Земляк» улыбался.

— Хвалю, молодец!? Где твой компас?

«Земляк» ушел в проход и тотчас принес мне новенькую астролябию на подрезанном штативе. Все чертежные приборы: циркули, линейки, транспортир—уже оказались на столе. Я принялся за дело.

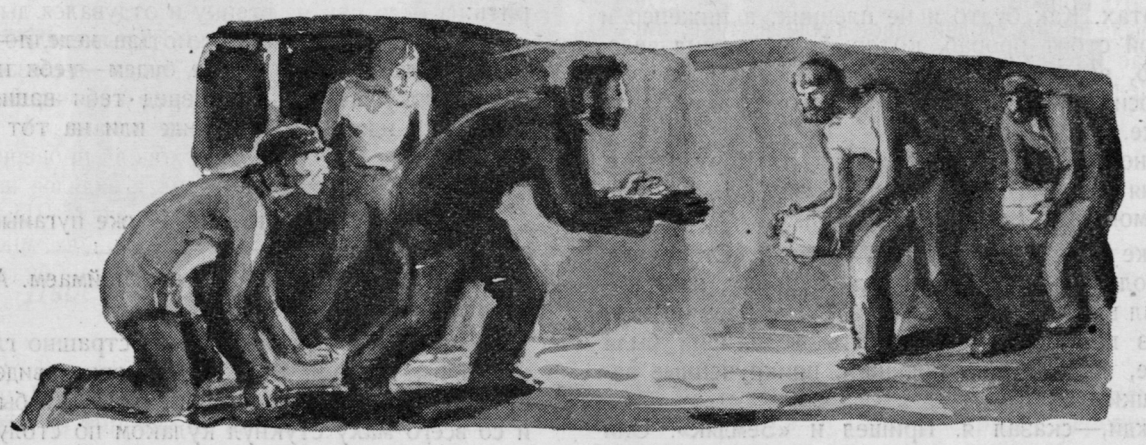
Кривой не появлялся, и никто не шагал наверху по полу: может, он и ходил в чулках.

Но один раз «Старичок» сказал мне:

— Посмотри, дорогой, посмотри мастер. Там кишки пошли какие-то.

— Ну, ладно.

Шахта была подперта по всем правилам. Я стал проверять направление от поворота, где шла линия уже по моему плану. Что за чертовщина! Сначала линия шла совершенно прямо, а потом она уклонялась все левей и левей. «Земляк» светил мне электрической лампой. Это по моему распоряжению весь вход осветили электричеством.



Я увидел, как вдоль по тоннелю что-то пересовывали от одного к другому.

Я проверил направление подкопа. «Земляк» ошибся: тоннель провел бы нас во двор банка, рядом с караульным помещением. Надо было взять на десять градусов левей. «Земляк» смотрел мне в руки, когда я работал.

— Ай, ай, ай! — закричал «Земляк». — Значит, все пропало. Пятьдесят саженей пропало! Землекопы высунулись из прохода на этот крик. Я все-таки дам им минуту погоревать.

— Исправить можно,—сказал я. Я сам стальной рулеткой точно промерил длину подкопа. Я показал, как повернуть, чтобы на ломаной линии попасть точно в намеченную точку.

Я слышал, как над нами, там, в конце подкопа,— грохотали трамваи. Земля мелко сыпалась с потолка. Звук их глухо доносился вниз, и теперь я знал, когда начинается день и когда наступает глухая ночь. Я распорядился, чтобы достали чурбанки и плахи и подперли тоннель.

— Точно вот по этому направлению и вести работу,—сказал я «Земляку» и показал на плане мою линию.—Каждую сажень подпирать. Выработка—в два часа сажень. Тогда у нас будет три дня в запасе. И к пасхе мы будем там. Я звонко щелкнул ногтем по плану и в ту же минуту оглянулся на дверь. Из черного люка глядел на меня острый глаз.

★

Я лежал на койке. «Старичок» приносил мне есть как больному. Я ел неохотно: не доедал, отказывался от вина. В «нашей» конторе стоял дым от моих папирос и «Земляк» каждые два часа докладывал мне, сколько прокопали и какой грунт. Не знаю, сколько дней прошло, я не ходил в тоннель, а сюда не слыхать было трамваев. Дни я считал по тому, сколько раз таскали мешки. Землю отвозили на Слободку, в хлебном фургоне и выбрасывали в тот овраг, где я застрял, возвращаясь с пирушки. Но скоро я перестал считать дни.

— Опять натворили чудес,—ворчал я,—оставь вас только на три дня. Чего же это вы влево взяли? — обернулся я к «Земляку». Он внимательно смотрел на меня добрыми, овечьими глазами.

— Не брал лево. Честное слово, по компасу.

— Давай компас,—сказал я. Я проверил направление. «Земляк» был прав. Ход шел по намеченному мной курсу.

— Что за притча?

Я вернулся обратно к тому месту, где начинался мой поворот.

— Нет, и я прав. Отсюда ход идет только по курсу. Значит, компас поворачивает влево, потому что я по огням свечек наметил прямую, и ход нашего подкопа ясно уклонялся влево. Я велел вынести вон из шахты весь железный инструмент. Совсем вон, в нашу контору: может быть, железо оттягивало магнитную стрелку и путало показания компаса. Где же компас показывает верно? В начале поворота или там, где наш путь закривился влево? Сказать правду: в этот момент у меня внутри все похолодело.

Я еще три раза проверил мои наблюдения. Я стал раздражаться и покрикивал на землекопов, как будто они в чем-то виноваты. Наконец, я вылез из шахты, от волнения не берегся и набил себе темя о скрепи. Это меня еще больше обозлило. Я сел в конторе на койке и закурил. Мне противно было, что «Земляк» стоит там, у стола, и внимательно глядит на меня. Глядит на меня как на больного.

— Чего уставился?—крикнул я.—Не видишь, какую кривулину гнем? Это тебе не винный подвал. Чего стоишь! Скажи, чтобы не копали.

«Земляк» ушел.

Очень нерешительно ушел.

Я курил папиросу за папиросой. Вернулся «Земляк». Он осторожно присел рядом со мной, тихонько положил руку на колени и сказал тихо, почтительно:

— Скажи, мастер, куда копать? Где компас верный?

— Ничего я не знаю, будь оно проклято! Копайте могилу и себе и мне. Ну вас!

Я лег на койку, поднял воротник и натянул на уши кепку. Однако я слышал, как «Земляк» поднялся по лестнице вверх, а через минуту стали спускаться вниз много, не один. Я не оглядывался. Чорт с ними! Пусть, как хотят. Я слышал, что много народу говорит в нашей конторе. Вдруг все замолкли. Я услыхал, как «Старичок» позвал меня.

— Мастер, слышишь, мастер!—я не оглядывался, не шевелился. Но меня за плечо повернули к свету, и я увидел, что это кривой.

Контора была полна людей. Двое были в муке, видно, что сейчас из пекарни. Все смотрели на меня. Из прохода глядели землекопы.

— Чего не копаешь?—крикнул кривой.—В чем твое дело? Говори!—и он присунулся близко к моему лицу. И опять глаз как пистолетное дуло вперся в меня. Я тихонько отпихнул кривого назад и сел на койку.

— Режьте меня сейчас,—сказал я,—хоть живым в землю зарывайте, а я не знаю, в чем дело. Компас кривит. Спросите его, коли не верите,—я кивнул на «Земляка». Земляк мотнул утвердительно головой и что-то сказал по-своему.

Я ничего не понимал и взглядывал на «Земляка». Но он не глядел на меня и разговаривал с кривым. Старик два раза бросил на меня взгляд, но лучше бы уж не глядел: ничего хорошего для меня во взгляде не было. Я опустил голову. Папироска дрожала у меня в руке. Я едва попал в нее спичкой. Но тут все опять замолчали, и «Старичок» сказал:

— Вставай, иди меряй. Это тебе будет последний раз. Меня подняли с койки, сам я встать не мог. Меня пропихнули в тоннель. Я не мог стоять. Я встал на коленки и пополз. Я дополз до поворота. Тут стояла астролябия, а там, впереди, горело два огонька, по которым я определял направление работ. Я лег пряжкой на землю. Было совсем тихо. Уж, действительно, как в могиле. Люди молчали, видать, ждали. Трамваев не было слышно. Земля молчала.

«Значит, ночь,—подумал я,—трамваи не ходят».

Я повернулся лицом вверх и стал смотреть в потолок. Он был от меня в полутора метрах.

И вот эти самые кишки провода, про которые говорил «Старик», их подвязали веревкой к перекладинам, как я велел.

«Развязать веревку и удавиться,—подумал я.—Низко, но я подожму коленки. Тогда режь покойника хоть на котлеты».

Я приподнялся: надо было переставить астролябию, чтобы не мешала. Понятно, что я не очень спешил. Я даже еще раз взглянул в астролябию. Что за дьявол? Компас не кривил и показывал точно. Я стоял на коленках, глядел через прорези на огоньки и не верил глазам.

Я перенес астролябию дальше. Компас уверенно и спокойно показывал то же самое. Я носился с астролябией по всему нашему ходу, компас отмечал все то же.

— Что ж ты, мерзавец, раньше-то,—это я уж застонал вслух.—Ведь меня резать хотят, а ты вон что!

Я обернулся и крикнул во всю глотку.

— «Земляк»! Иди,— крикнул я ему,— проверяй! Компас на месте. Я вошел в контору и нахально глянул кривому в глаз.

Минуты через три вернулся «Земляк». Он был красен и чуть не плакал от счастья.

— Что ты там сделал, мастер?—закричал он.

— Ничего не сделал,—сказал я,—а ты дурак!—Я видел, как двинул бровями «Земляк».—И я дурак!—прибавил я и ткнул себя пальцем в грудь.

★

Я сейчас же потребовал есть. Я ел и не мог наесться. «Земляк» несколько раз просил меня об'яснить, что случилось с компасом, но я отвечал ему всякие глупости.

Я ни с кем не разговаривал, курил, сплевывал, распоряжался. Я потребовал, чтобы работы вели в три смены, а землю пускай хоть едят—не мое дело.

Теперь все ходили копать. Приходил и кривой. Он каждый раз пронзительно взглядывал на меня, но я глядел на него как на стенку и отдувался дымом: я курил не переставая. Люк часто открывали, потому что в тоннеле становилось душно, люди вылезали оттуда потные, все в земле и скользкие как черви. Работали до поту, раздевшись чуть ли не донага.

Каждые шесть часов я ходил проверить длину. Остальное время я жрал, курил и валялся на койке. Я чувствовал, что я обрюзг, отяжелел. Щеки обросли щетиной, и тупая сонливость овладела мной. Всякое волнение на время покинуло меня, как будто действительно копали мину для винного погреба. Наконец, мне сказали, что осталось три дня.

— Осталось три сажени,—сказал я и сплюнул через зубы.

За день до срока—это, значит, был канун пасхи—я сказал: «Стоп!»

Я знал точность моих измерений. Больше чем на полсажени я ошибиться не мог. По моим расчетам, мы подкопались под самую середину кладовой банка, а кладовая была три сажени в ширину, восемь сажен в длину. В какую бы сторону я ни ошибся,—мы выйдем наверх обязательно внутри кладовой.

Но если мои расчеты неверны? Если планы, которые были у меня в руках, сняты неточно, если мы действительно попадем в караульное помещение? На секунду я оледенел от этой мысли, но даю слово: на одну секунду, а потом мне становилось опять все равно.

Я сам забил кол в том месте, откуда мы должны рыть яму вверх. Теперь я сидел в конторе и каждые десять минут поглядывал на часы. Я знал, что был вечер, а в девять часов было назначено начать работу вверх. Чтобы скоротать время, я требовал то кофе, то еды.

В половине девятого «Земляк» снова взял рулетку и опять пошел промерять, не знаю, вероятно, в сотый раз. Потом он подошел ко мне, молча глядел на меня. Минуты с три, не больше.

Но тут открылся люк, и стали спускаться люди.

Теперь командовал кривой.

Впереди пошли три землекопа, за ними какой-то человек, которого я раньше не видел, потом «Земляк», за ним «Старик», потом кривой велел идти мне.

Требовать иного порядка я не смел: обогнать «Старика» и пойти впереди него в этом узком проходе было невозможно. Сердце мое колотилось от досады и злобы, но делать было нечего.

Наконец, все остановились. Я слышал, как впереди начали работать землекопы. До верху должно было оставаться не больше полсажени. Я слышал, как лопата царапнула по цементному полу подвала. Вот осторожно садят ломом. Стуку было очень мало.

Цемент легко треснул. Большие куски передавали с рук на руки. Говорили шопотом. «Старичок» двинулся впереди меня. Я понял, что дыра пробита.

Но пройти в дыру мне не дал кривой. Он цепко схватил меня за ногу.

«Ага, вот оно!»—подумал я. Я ждал удара кинжалом и прикрыл руками шею.

— Стой здесь со мной,—шептал кривой.—Там пол работают.—Действительно, я слышал, как наверху ломали. Я закрыл глаза, хотя все равно было темно. Я скорчившись сидел на куче земли и слышал, как кто-то рядом со мной хрипло дышал. Сверху что-то говорили по-кавказски.

Куда попали? Может быть, в общий зал, а может быть, в глухое помещение архива? Я старался не думать, но это было так трудно. Мне хотелось крикнуть «Земляку»: «Ну как?» Но я боялся пошевелиться. Кривой все крепче жал мою ногу, он накрутил на кулак штанину и вертел ее все туже и туже.

Наверху все замолкло. Я не знал, куда они провалились. Мне казалось, что время запуталось в этой темноте, стало на месте как вкопанное. Да и не все ли равно! Я решил, что больше уж никогда не увижу свет. Наконец я услышал осторожные голоса.

Кривой совсем было насел на меня, но теперь он поднялся и тащил меня назад. Мы стали пятиться.

Я снова начал беспокойно думать, что значит это отступление. Голоса впереди глухо гудели. Вдруг я увидел, как вдоль по тоннелю что-то пересовывали от одного к другому. Вот оно уже у «Старика» в руках, вот переталкивает мне, говорит:

— Давай дальше.

Я пропихнул кривому плотный сверток, кило с пять весом. Потом пошло больше и больше.

Я понял, конечно: удача. Это деньги.

Я и «Старик» стояли в пекарне.

— Ты знаешь,— сказал «Старик»,— тебя искали. Твоя хозяйка в полиции говорила, что ты пропал. В газете было.—Я уже плохо понимал, что он говорил. Я слышал через закрытые двери волю. Я слышал, как гудят пасхальные колокола, кам гомонят прохожие ночными гулкими голосами.

А «Старик» все говорил, говорил.

Я только понял, что меня не пускают потому, что надо идти непременно с ними.

★

Наш пароход уходил в три часа ночи. «Старик», кривой и «Земляк» вместе со мной поместились в одной каюте. Где были остальные, я не знал. Я не видал, куда они дели деньги. Насколько помню: их было мешков пять. На пароходе я не узнал кривого, не потому, что он переоделся, не потому, что он успел постричь и расчесать бороду. Нет, веселый и приветливый человек сидел против меня на пароходной койке. Он глядел на меня, как, пожалуй, мать смотрит на сына, когда лет десять его не видала. Он поминутно хлопал меня по колену, говорил что-то по-кавказски и приговаривал по-русски:

— Ти хорош человек. Очень милый человек. Совсем хороший мастер,—и опять по-своему и опять по-русски.—Завтра,—говорит,—что хочешь, сегодня не надо.

Когда я выходил из каюты, на минутку, на две, кривой выходил со мной, но я уже на него не сердился. Он хлопал меня по плечу, и мне было приятно, когда он говорил:

— Постой, милый мой, немножко. Завтра иди, куда хочешь.

★

Я уже засыпал, как вдруг в темноте кто-то толкнул меня в плечо. Из темноты я услыхал, как «Земляк» говорил:

— Милай, пожалуйста, прошу, скажи, компас?

Ну как я мог ему отказать, когда мне только и хотелось, что улыбаться. И я сказал:

— Астролябия стояла под этими кишками. Помнишь, под проводами. Это трамвайные провода. Подземный кабель. Весь день до поздней ночи по ним идет ток, пока ходят трамваи. Этот ток и поворачивал магнитную стрелку, пока ходили вагоны. Случайно, когда вы собрались меня резать,— я даже улыбнулся, когда вспомнил про это,—пришлось на глухую ночь, на те четыре часа, когда молчат трамваи.

Сквозь сон я слышал, как наш пароход останавливался, как наверху топали по палубе. Я взглядывал в пароходное окошко, но там было мутно. Я заворачивался с головой в одеяло. Мне хотелось сделать себе подарок. Мне хотелось открыть глаза и сразу увидать яркий дневной свет.

Так и вышло. Я проснулся—и солнце в каюте. Я так обрадовался, что погладил рукой по стене солнечные пятна. Но в каюте я оказался один. Товарищи исчезли.

На пароходе их не оказалось.

Под подушкой я нашел небольшую пачку денег и записку. Из записки я узнал, что деньги-то эти как раз те, что красные не успели с собой увезти из нашего города, белые навалились и поставили в банке свой караул. А они копали, чтоб свое золото выручить.

Только тут я понял, кто они были.

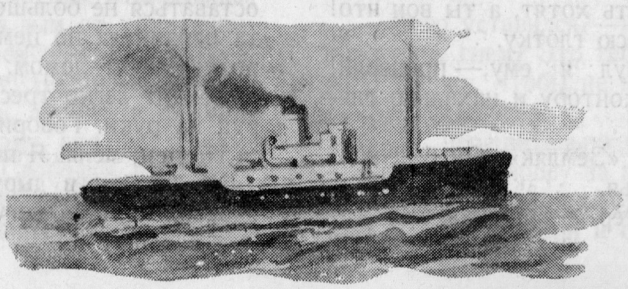
На октябрьском вечере тов. Н. в своих воспоминаниях, посвященных подпольной работе в тылу у белых,—вскользь упомянул и об описанном случае с пекарней.

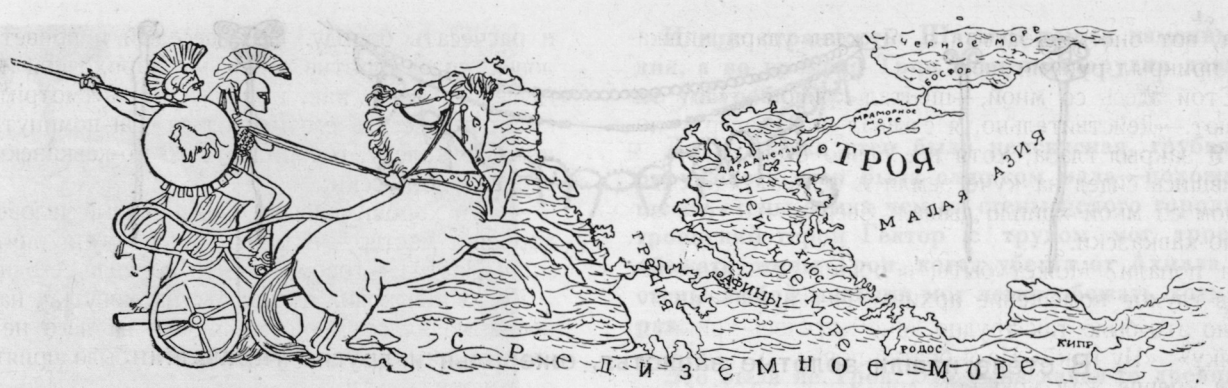
Действительно,—рассказывал тов. Н.,— с трудом налаженное дело увоза золота, которое не успели вывезти от белых, чуть не сорвалось из-за какого-то полупьяного чудака, который задумал разыграть из себя сыщика. Нам ничего не оставалось, как взять с собой этого человека, и он неожиданно, несмотря на свою трусость и небольшие умственные способности, принес нам кое-какую пользу.

Мы ему представлялись какими-то страшными разбойниками, со страху ему казалось, что мы готовы его живьем в землю закопать.

По соображениям, вполне понятным, ему не открывали, кто мы такие.

В истории с подкопом товарищи проявили немалую выдержку. Легко себе представить, что всем нам грозило, если бы белые пронюхали про подкоп. Но подпольный ревком поручил нам выручить золото, и мы это дело выполнили.





ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ОШИБКА

Очерк А. К. Покровской

Эти черепки пролежали в земле шесть тысяч лет.

Бывают чудаки, которые за один такой выкопанный из земли черепок глиняного горшка с радостью отдадут совсем новый фарфоровый сервиз.

Был такой немец — Генрих Шлиман. Теперь ему было бы 113 лет, лет 40 назад он умер.

Он на всю жизнь наметил одну цель: найти развалины города Трои, которого, может быть, никогда и не было.

Эта цель пришла ему в голову, когда он был восьмилетним мальчиком. Тогда отец часто читал ему вслух знаменитую поэму древнего поэта Гомера Илиаду (Илион — другое название Трои. Илион — отсюда Илиада).

Генрих любил слушать, как по морским волнам приплыли к Трое крутобокие корабли греков; как десять лет осаждали греки крепкостенную Трою; как сильнейший из греческих вождей—Ахилл—в страшном поединке поразил насмерть самого доблестного из защитников Трои — Гектора — и влачил его тело за своей боевой колесницей.

Генрих всей душой был на стороне троянцев. Он не любил хитрых и жестоких греков, ему было до слез обидно, что греки, наконец, обманом и хитростью проникли в Трою и разрушили ее.

Отец подарил ему книжку с картинками — «Всемирную историю для детей». Там была нарисована гибель Трои. Языки красного пламени лизали башни и стены, сложенные из огромных камней.

Троянский кувшин для воды.

«Разве такие стены могли сгореть? Они ведь каменные. Наверно, они сохранились и стоят до сих пор. Наверно, художник с них и срисовал. Вот бы туда поехать!»

Так думал Генрих, а отец говорил, что картинка в книге выдуманная. Может быть, Гомер все выдумал: и про Трою, и про войну. Ну, а если и была Троя, то давно все разрушено, рассыпалось в порошок от времени: ведь с тех пор прошло три тысячи лет.

Но Генрих хотел, чтобы Троя была. Гомер описал ее так подробно, что так не выдумаешь. Но, должно быть, с тех пор мусор и земля покрыли толстым слоем ее обгорелые стены. Вот если бы можно было их откопать!

На долю Генриха Шлимана выпала юность, полная невзгод и приключений.

Отец его обеднел, и вместо гимназии Генрих попал «мальчиком» в бакалейную лавку.

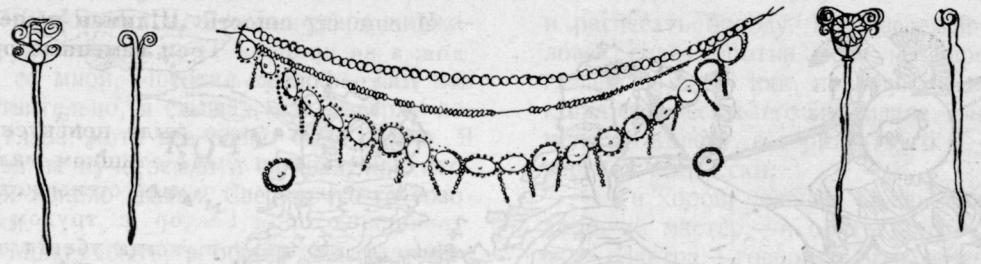
Вот была тоска! А потом он захворал, и его прогнали. Прямо из больницы нанялся он юнгой на корабль, корабль утонул у берегов Голландии, и Генрих попал без денег и без знания языка в чужой город.

Он часто голодал. Но всегда ухитрялся купить нужный учебник. Учился сам, без школы. Изучил английский, французский, голландский, испанский языки — в конце концов, он знал все европейские языки, даже самый трудный — русский. Давно уж не бегал он на побегушках и не сидел, согнувшись, за перепиской: благодаря знанию языков его приняли доверенным приказчиком в крупный голландский торговый дом и командировали в Петербург. В Петербурге он разбогател—нажил миллион к 40 годам жизни.

Тогда-то и обнаружилось то, что он таил до сих пор в глубине души. Он вовсе не был настоящим дельцом, наживателем денег. Он остался таким же чудаком, мечтателем, каким был в детстве. Он вдруг стал изучать древнегреческий и турецкий языки, совсем ненужные ему для коммерции.

И вдруг бросил все дела, уехал путешествовать. Он стал ездить по тем местам, которые были описаны у Гомера.

Турецкие власти в Малой Азии насторожились: зачем богатому немцу понадобилась бесплодная пустошь на Гиссарлыкском холме, где одни овцы щипали тощую траву? Два года бился с ними Шлиман,



В стене нашли золотые запястья, ожерелья и другие украшения.

пока наконец с помощью бакшиша (взятки) получил разрешение на раскопки.

И вот, наконец, добрался Шлиман до дела, о котором мечтал всю жизнь. Он поселился с женой в хижине у подножия холма и нанял 40 рабочих.

Стали рыть.

Вот какая-то каменная кладка — фундамент стены. Но под этим фундаментом другой, более древний, а под тем еще один.

Которая же Троя? Как узнать? Шлиман копал уже третий год. В газетах над ним посмеивались, а он все искал горелый слой: ведь Троя горела, а уголь сохранится в земле хоть миллион лет.

Он нанял уже полтораста рабочих и стал прокладывать через весь ров глубокую траншею. Рабочие беспощадно разрушали попадавшиеся каменные кладки, фундамент, стены, раскидывали камни.

Наконец докопались до какой-то древней стены. Стали попадаться обгорелые предметы. С лихорадочным трепетом Шлиман рассматривал каждый камень кладки.

Вдруг что-то блеснуло.

В этот день все были удивлены, почему сегодня так рано зазвонил колокол на обед.

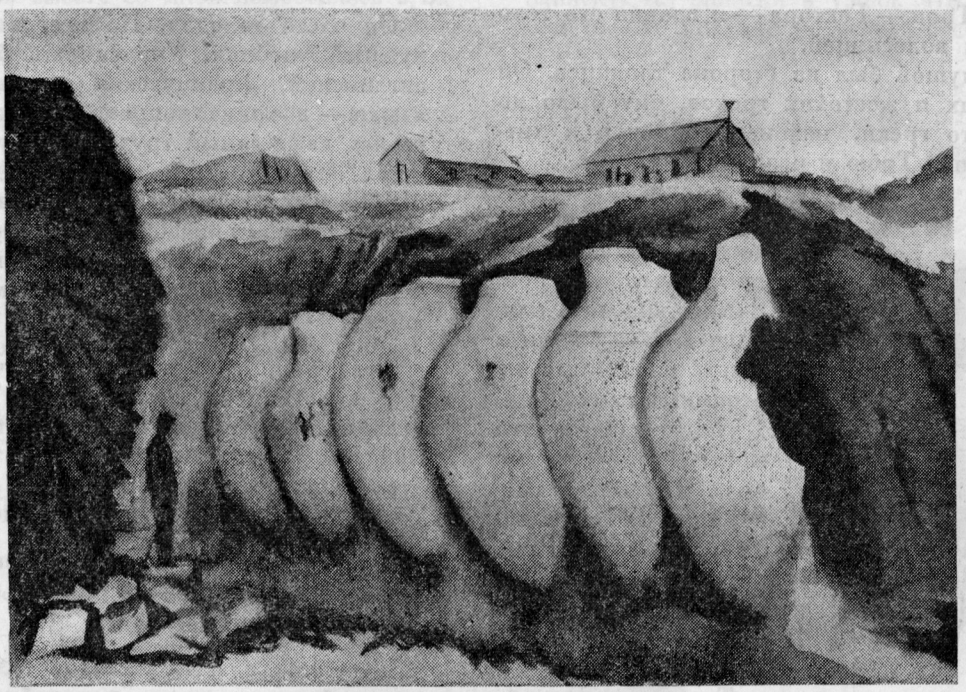
А Шлиману не терпелось, когда, наконец, уйдут рабочие.

Оставшись один, он схватил нож и стал ковырять стену.

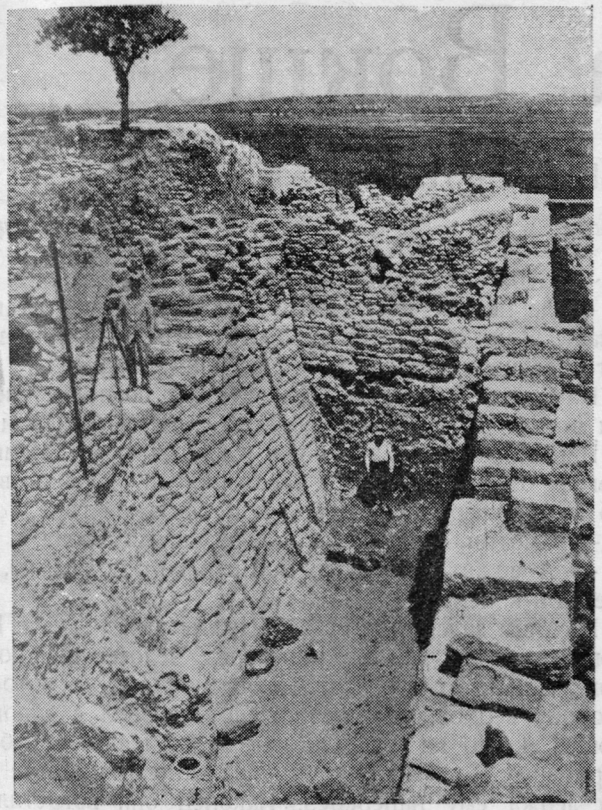
Оружие, кубки, чаши... из меди, из бронзы, из серебра... запястья, ожерелья, диадемы (короны) из тонких золотых листиков. В стене был замурован клад.

Во всех газетах напечатали сенсационную новость: чудак Шлиман докопался-таки до троянских стен и откопал клад троянского царя Приама. Это было настоящее торжество. Ведь никто из ученых археологов не верил, что Троя существовала на самом деле: все считали, что все это только старинная сказка.

Но археологи — люди недоверчивые. Им показалось странным, что среди бронзовых и медных, золотых и серебряных находок не попалось нигде ни



В громадных амфорах спрятан был клад.



Раскопки на Гиссарлыкском холме.

кусочка железа. Во времена Трои железо уже было в ходу, хотя считалось еще редкостью и ценилось дороже золота.

И еще странность: Шлиман нашел каменные орудия, а во времена Трои каменные орудия давно уже не употреблялись.

Да и кладка стен была неискусная, грубая, да и окружность стен была слишком мала—похожа больше на стены замка чем на стены целого города. Ведь троянский герой Гектор с трудом мог троекратно обежать стены Трои, когда убегал от Ахилла. А эти стены любой мальчик мог легко обежать хоть десять раз.

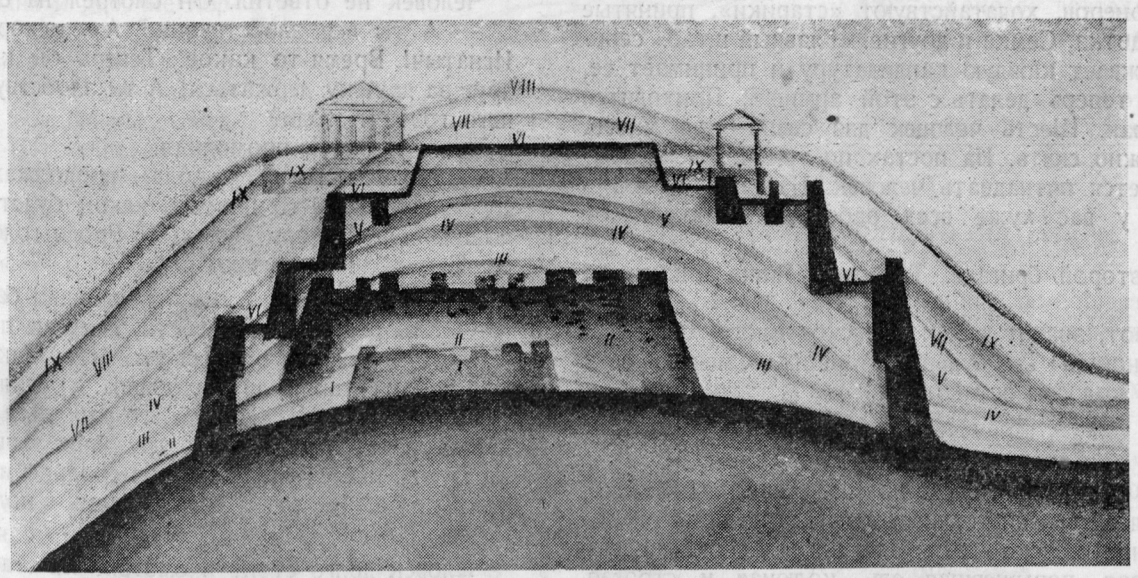
Это была не Троя. Это была какая-то древняя крепость, воздвигнутая тысяч за шесть лет до нашего времени.

Но самое ужасное, что в поисках Трои рабочие Шлимана разрушили ее фундамент и стены. Подлинная Троя находилась выше. Шлиман ее не узнал. Шлиман ошибся на три тысячи лет.

Но какая это была замечательная ошибка! То, что он обнаружил, оказалось гораздо замечательнее чем находка Трои.

Девять «культурных слоев»—девять человеческих поселений—оказались на Гиссарлыкском холме. Одно возникало на развалинах другого.

Для археологов открылась возможность по характеру каменных кладок стен, по обломкам утвари и орудий, по черепам сосудов изучить, как изменялась человеческая жизнь на одном и том же месте на протяжении шести тысяч лет.



Гиссарлыкский холм в разрезе. Над основным грунтом видны девять слоев с остатками человеческих поселений и остатки стен четырех городов, построенных в разные эпохи.
Самые маленькие по размеру стены самого древнего города Шлиман принял за Трою. Настоящая Троя изображена черным контуром с глубоко заложенным фундаментом толстых стен. Верхняя часть Трои срыта при постройке позднейшего греческого города, от которого уцелели развалины двух храмов.

Лагерь на Вокше

ЛАСКОВЫЙ СТАРИЧОК ПОКАЗЫВАЕТ КУЛАЦКИЕ КОГТИ

Г. Замчалов *(Продолжение)* *Рис. А. Варнавицкой*

I

Девять отпетых идут по селу не торопясь, с достоинством. Они уже третий день в колхозе и сделали многое. Поймали старуху-«парикмахершу». Накрыли спящего постового и сообщили о нем в бригаду. Получили от сельсовета на каждого «кавалериста» (девять лагерных и шесть колхозных) по зеленому кружочку с печатью и надписью «Активист по охране урожая». Кроме того наделали из тальника свистков. Правда, они были еще сырые и не свистели. Но все равно. Свисток, если его привязать на мочальной веревочке так, чтобы он свешивался на грудь и его все видели,—это очень здорово.

На площади, возле церковки, их ждет целая армия. От нее отделяется Панька Смуров. Он быстро идет навстречу Степе, как будто отдавать рапорт. Лицо у него мрачно. Степа с Федей как члены главного штаба отходят с ним в сторону. Он рассказывает неприятные новости, которые взволновали армию. Оказывается, в селе уже все громко говорят, что урожай очень плохой.

Хлеба не хватит? Степа с Федей многозначительно смотрят друг на дружку. Они вспомнили огромные шкафы с генеральским хлебом. Им стало очень весело. Они бросают Паньке несколько шутливо-успокоительных слов, и все вместе идут к церкви.

Новичков пришло не трое, а одиннадцать. За них, кроме пионеров, ходатайствуют «старики», принятые вчера: Федотка, Семка и другие. «Главный штаб» серьезно обсуждает каждую кандидатуру и принимает ее.

Но что теперь делать с этой армией? Приходится менять план. Шесть человек для связи—это много. Троих можно снять. На постах по три человека хватит. Остается пятнадцать человек. На колоски их!

— Где у вас хуже всех работают?—спрашивает Степа.

— Во второй бригаде. Там дядя Яшка никуда не годится.

— Ну вот, значит там и колосков много. Ступайте туда. Звеновой! Ты будешь старшим. Смотри, если хоть один колосок оставите!..

II

Высока Некрутская гора, но еще выше на ней елки. Их штук десять. Они как командиры, а за ними огромное зеленое войско—лес. Впереди главнокомандующий—старая, порыжевшая ель, колючая и строгая. Лезть по ней мученье. Но зато, когда заберешься на самую верхушку, эх, и видно же все! Налево кривая блестящая сабля реки, лагерь: красные крыши, желтая площадка, зеленая трава.

Немного поближе село. Зеленое поле гороха. Картошка. Прямо впереди виден большой квадрат пшеницы, овраг, и совсем почти под горой ток.

— Почему не слыхать мотора?—удивляется Панька.

За оврагами идут неровные поля ржи. Вон стан второй бригады. Машины стоят, лошадей не видно. Люди почему-то сбились в одно место, так и стоят.

— Почему они не работают?—опять удивляется Панька.—Я сбегаю, погляжу, что там. Ладно, ребята?

— Что, уже скучно стало?

— Да нет, может, там случилось что, нам же надо знать. Вон, смотрите, к ним кто-то верхом спешит. Это дедушка Андрей. Я сейчас приду, ладно?

Панька спускается с елки и бежит по полю. Сверху он похож на сапожный гвоздик с двумя ножками.

Панька добежал до толпы и слился с ней. Немного погодя от нее отделился верховой. Он поскакал вниз, но потом свернул и поехал к Некрутской горе.

— Смотри, к нам едет,—обрадовался Степа.

— А может, не к нам. Вон кто-то с поля идет, может, он к нему?

В самом деле, из третьей бригады шел человек. Верховой ехал как раз ему наперерез. Человек шел по дороге, далеко от ели. Вот он остановился, посмотрел в сторону верхового и неожиданно свернул с дороги—пошел прямо на ель. Он как будто нарочно избегал верхового. Но тот тоже изменил направление, все время держа ему наперерез. Наконец они встретились, совсем близко от ели. Верховой оказался веселым старичком с голубыми глазами. Пеший сутулился, пряча лицо, но ребята узнали его по огромным сапогам.

— Это тот кулак толстомордый,—шепнул Федя.—Помнишь, поймал-то нас? Я хотел Паньке про него рассказать, да забывал.

— Максим Игнатыч!—приветливо сказал старичок, под'езжая.—С добрым утром.

Человек не ответил. Он смотрел на свои сапоги.

— А ты все злобствуешь? Ах, нехорошо, Максим Игнатыч! Время-то какое. Теперь бы как надо всем друг за дружку держаться! А ты злобствуешь. Слыхал, чего говорят люди?

Человек опять промолчал.

— Ошибочка у нас вышла,—продолжал старичок.—Думали, урожай-то нивесть какой будет, а он никудышный. А, Максим Игнатыч? Вроде голодать придется. Так люди сказывают.

Человек повернул голову и мрачным басом:

— Кто работал по совести, тому не придется.

— А трудодни-то забыл уж? Нет, Максим Игнатыч. Это раньше так было, у хозяина: уродилось, нет ли—тебе наплевать. Раз ты у него работал, значит, получай безо всяких. А теперь трудодни: вышло по фунту, по фунту и получишь. У тебя сколько их, трудоднейто? Триста? Ну вот и получай семь с половиной пудов на всю зиму.

Человек долго стоит и смотрит на старичка. Потом он срывается и тяжело, как буйвол, бежит обратно в поле. А старичок смеется ему вслед. Вот так же он смеялся тогда, с горохом. И в лагере и когда лен дергали.

— Дедушка!—кричит Федя сверху.

Старичок оглядывается во все стороны, не видит. И Федя снова кричит:

— Дедушка!

— Ах, вы, озорники! Вы чего туда забрались? Опять мышей зорить? У меня чтобы этого больше не было, слышите? А то уши оборву.

— Нет, тут мышей нету. Это у нас вышка. Мы часовые, хлеб сторожим.

— А ну, тогда ничего. Вас, что же, много тут?

— Нас уже тридцать один человек. Если надо, так мы еще приведем, хоть сотню.

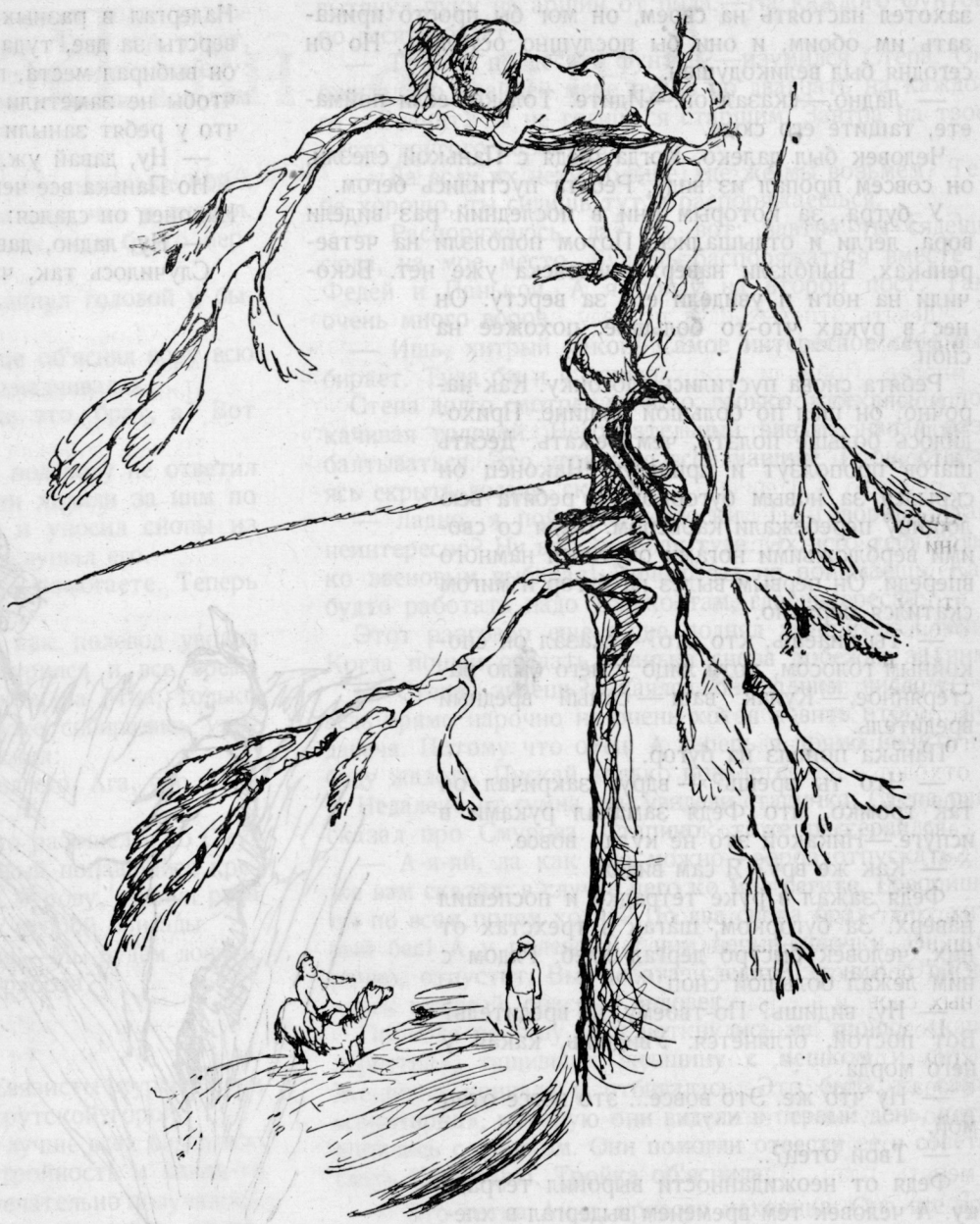
Старичок подробно расспрашивает про остальных ребят: где они расположились, что делают, будут ли ночью караулить или до вечера только. Он все хвалит и советует в случае чего бежать сейчас же к нему.

— Дедушка, а вот этот, который убежал сейчас, он кулак, да?

— Как вам сказать? Кулак или нет, я не знаю, но человек вредный. Злой человек. Его остерегаться надо.

Старичок уехал. Опять стало скучно. Солнце висит на одном месте. И не знаешь, сколько прошло времени—десять минут или два часа.

Наконец прибежали из второй бригады Панька и связист Семка. Они перебивали друг дружку и с трудом могли рассказать, что случилось. Оказывается, половина бригады уже часа два не работала. Люди побросали машины, грабли, телеги и все про урожай говорили. Больше всех кричали бабы. Проня Саушев, ванькин отец, и еще человек пять напились пьяными. Они шатались по стану и громко ругали колхоз, трудодни и рабочие нормы. Дядя Яша Славин, бригадир, стал уговаривать их уйти домой, так они его чуть не побили. Потом пришли дядя Митька Безухов, Сергей Петрович, да много еще. Дядя Митька подошел к Проне и при всех как начал его пробирать. «Ты,—говорит,—вечно был крикун и бездельник. Вот почему тебе и трудодни не нравятся, при них ты за свою лень ничего не получишь. По-настоящему таких надо гнать из колхоза!».



Они встретились совсем близко от ели.

Тут, как на зло, приехал старичок тот, дедушка Андрей. Панька раньше думал, что он умный, а он оказался совсем дурак. Не умеешь говорить, так не лезь. Взял и прямо начал про терпение: сразу, мол, ничего не делается, терпеть надо. Про заготовки сказал, что надо и рабочих не забывать, они тоже есть хотят. Говорил-то он все правильно, только получалось так, как будто он тушил огонь керосином. После него поднялся такой шум, что нельзя было ничего разобрать.

Потом прискакал Федор Иванович, предколхоза. Он прямо с лошади закричал: «Вы что, спятили, ослепли? Сами убираете и не видите, какой хлеб».

Федор Иванович подробно рассказал, какой окончательно определился урожай и сколько примерно получится хлеба на трудодень. Кроме того он обещал, что через три дня всем выдадут аванс мукой. После этого колхозники разошлись и стали работать.

Степу с Федей эти сообщения вначале испугали. Они было спешно стали придумывать, что тут можно сделать. Но вдруг опять вспомнили про подвал и генеральский хлеб. Ими овладело неудержимое веселье. Но ведь нельзя же скакать и радоваться, когда такие неприятные вещи. Федя отвернулся. Степа нахмурил брови и с необычайной важностью изрек:

— Ну, ладно, ребята. Мы подумаем и что-нибудь сделаем. Не беспокойтесь, без хлеба вы не останетесь.

III

Связисты ушли, но Панька остался. Влезли на ель, продираясь между острыми иглами, и уселись на сучьях, лицом к лицу. Вдруг Панька что-то уж очень пристально поглядел в поле. Степа с Федей тоже посмотрели. Там, за буграми и ямами, шел человек. Он пригибался к земле, стараясь спрятаться в низинах. Иногда он скрывался так, что его даже и с елки не видно было. Моментально все трое ребят стали спускаться.

— Постойте, а кто же тут останется? Штаб ведь не может весь уходить.

Заспорили. Все рвались ловить вора, никому не хотелось оставаться в штабе. Конечно, если бы Степа

захотел настоять на своем, он мог бы просто приказать им обоим, и они бы послушно остались. Но он сегодня был великодушен.

— Ладно,—сказал он.—Идите. Только, если поймаете, тащите его сюда.

Человек был далеко. Когда Федя с Панькой слезли, он совсем пропал из виду. Ребята пустились бегом.

У бугра, за которым они в последний раз видели вора, легли и отдышались. Потом поползли на четвереньках. Выползли наверх—человека уже нет. Вскочили на ноги и увидели его за версту. Он нес в руках что-то большое, похожее на сноп.

Ребята снова пустились вдогонку. Как нарочно, он шел по большой лощине. Приходилось больше ползти, чем бежать. Десять шагов проползут и прилягут. Наконец он скрылся за новым бугорком, и ребята всю лощину перебежали карьером. Федя со своими верблюжьими ногами очутился намного впереди. Он первым вылез на бугор и мигом скатился обратно.

— Ты знаешь, кто это?—сказал он спокойным голосом, хотя лицо у него было растерянное.— Кулак ваш — самый вредный вредитель.

Панька пополз на бугор.

— Что ты врешь? — вдруг закричал он так громко, что Федя замахал руками в испуге.—Никакой это не кулак вовсе.

— Как же вру? Я сам видел.

Федя зажал в руке тетрадку и поспешил наверх. За бугорком, шагах в трехстах от них, человек быстро дергал хлеб. Рядом с ним лежал большой сноп.

— Ну, видишь? По-твоему, не вредитель? Вот постой, оглянется. Увидишь, какая у него морда.

— Ну что же. Это вовсе... это вовсе отец мой.

— Твой отец?..

Федя от неожиданности выронил тетрадку. А человек тем временем выдергал в хлебе акуратный квадрат. Смерил его шагом вдоль и поперек и еще подергал. Когда огромный шажище свободно уложился в квадрате, он скрутил свясло и начал вязать сноп. Тогда Федя положил Паньке на колено руку и мягко, словно извиняясь, заговорил:

— Паня, ты не обижайся только... Ведь бывает же так: сын большевик, а отец... Вот, честное слово... хоть бы со мной так вышло. Думаешь, мне не жалко было бы. А ведь надо же...

— Да ладно, без тебя знаю!

Панька, не отрываясь, следил за каждым движением отца. Тот довязал сноп, поднял его, в другую руку захватил старый и пошел дальше. Сомнений не было—отец воровал хлеб. Надо было бежать за ним и ловить. Но Феде неловко было бросаться первому. А Панька все сидел и чего-то ждал. Вдруг он попросил:

— Федя, давай еще немножко последим. Может, он еще не ворует.

Конечно, это была пустая надежда. Однако Федя согласился. Они стали преследовать вора по пятам. Ну, и пришлось же им походить! Он как будто нарочно издевался над ними. Он прошел версты две и там, на скошенном поле, прямо из крестцов, опять выбрал два больших снопа. Спрятав их вместе с прежними в яме, он махнул совсем на другой конец, за Жильцову яму. Надергал в разных местах по снопу и снова двинул версты за две, туда, где косила вторая бригада. То ли он выбирал места, где его не видно было, то ли хотел, чтобы не заметили кражи. Но концы он делал такие, что у ребят заныли ноги. Федя раз пять говорил:

— Ну, давай уж. Чего тебе еще надо? Сам видишь.

Но Панька все чего-то ждал. Все надеялся на что-то. Наконец он сдался:

— Ну, ладно, давай.

Случилось так, что в это время недалеко проходил полевод Николай Васильевич. Панька увидел его и стал просить:

Федя с тетрадкой в руке все еще об'яснял вору всю низость воровства.

— Федя, подожди еще немного. Пускай он подойдет поближе, а тогда ты один, ладно? Мне ничуть не жалко, только я не хочу. Если он станет драться, тогда я закричу и тоже выбегу.

Федя приготовился: сунул в рот свисток, привстал на одно колено и уперся руками в землю как бегуны на старте. Тот тоже заметил полевода. Он распластался ничком, закрыв себя снопами. Когда полевод подошел шагов на сто, Федя изо всех сил дунул в свисток и побежал. Но свисток подвел. Вместо пронзительного посвиста получился простудный шип. Говорят, что Наполеон проиграл битву из-за насморка. Федя чуть не проиграл ее из-за свистка. Движения его стали сразу неуверенными, голос робким. Он подошел к вору и, целясь в него тетрадкой как револьвером, сказал:

— Вы зачем воруете? Разве вы не знаете, что колхозное добро нельзя трогать?

Вор поглядел на него с угрюмым недоумением.

— Что же вы молчите? Отдайте сюда снопы. Мы в сельсовет заявим. Ваша фамилия Смуров, знаем.

Панька лежал за бугорком и мучился. Теплая земля жгла его огнем. Федя что-то слишком долго разговаривал с отцом. А полевод уходил. Если он уйдет, тогда... Панька вскочил, догнал полевода и сказал ему:

— Николай Васильевич, мы вора поймали. Вон там он, за бугорком. Он хлеб воровал.

— Хлеб воровал? Ну-ка пойдем.

— Нет, я не пойду туда. Это... это папанька мой... Николай Васильевич, ты не говори ему, что я сказал.

Полевод посмотрел на Паньку так, как будто первый раз его видел.

— Н-да!—Он как-то странно качнул головой и быстро пошел за бугор.

Федя с тетрадкой в руке все еще об'яснял вору всю низость воровства. Вор угрюмо отмалчивался.

— Максим Игнатыч, ты что же это, брат, а? Вот уж не ожидал от тебя!

Вор поднялся с земли, но даже полеводу не ответил ни слова. Федя рассказал, как они ходили за ним по всем полям, как он дергал хлеб и уносил снопы из крестцов. Полевод внимательно выслушал его.

— Ну хорошо. Спасибо вам, что помогаете. Теперь вы можете идти. Я сам отведу его.

Ребята долго следили за тем, как полевод уводил Смурова в сельсовет. Панька хмурился и все время молчал. Сейчас он был очень похож на отца, только лицо не такое распухшее. Они уже собирались уходить на свою ель. Вдруг Панька ожил:

— Смотри, смотри! Он отпустил его. Ага, что я говорил!

В самом деле, полевод почему-то разошелся со Смуровым. Снопы он положил на первый попавшийся крестец. Издали он что-то крикнул Смурову, кивнул раза два головой и направился к стану второй бригады.

— Не понимаю,—обиделся Федя.—Мы будем ловить, а они отпускать. Какая же это работа?

А Панька прыгал и смеялся.

IV

Работа шла полным ходом. Связисты курсировали между постами, бригадами и Некрутской горой.

Степа был в центре событий и лучше всех видел всю работу целиком. Его поразила стройность и какая-то красота в ней... Нет, все-таки замечательно получалось. Как будто лежала бесформенная груда валиков, шестерен, винтов и кривошипов. Он, Степа, толкнул ее—и вдруг все завертелось, стало на свое место, и бесформенная груда оказалась чудесно работающей машиной. У каждого винтика свои мозги и свое имя: Федотка, Степа, Панька. А вместе получается стройность.

«А что, если бы Федотка не захотел бегать?—вдруг подумал он.—А Федя сказал бы, что ему купаться захотелось. А другие ребята пошли бы за ягодами... Ну, и ничего бы не вышло».

Вернулись Федя с Панькой. Панька так до самой ели и проскакал на радостях. Когда они рассказали про поимку Смурова и про то, как его отпустил полевод, Степа страшно рассердился:

— Зачем же вы отдавали его полеводу? Может, он его знакомый? Сказали сюда приведете. Ну и вели бы. Сами все испортили. Так мы всех воров растеряем.

Панька снова нахмурился. Степа долго и сердито об'яснял, что для них есть только одно начальство—Шоркин да еще старичок, заведующий охраной. Он хотел сейчас же разыскать старичка и все рассказать ему. Но тут пришли ребята со сбора колосков. Время было идти обедать. Степа спросил, сколько они набрали.

— Восемь куч, вот таких,—звеновой с гордостью вытянул руку на аршин от пола.—На каждого фунтов по десять будет.

— Только по десять фунтов?—изумился Степа. Он ожидал по крайней мере пудов по двадцать на каждого.—Значит, ты не годишься старшим. Завтра на твое место другого назначим.

— Да если их нету больше, где же мы возьмем? Тебе хорошо, ты сидишь тут и распоряжаешься.

— Распоряжаюсь, да? Ну вот: завтра ты сядешь сюда, на мое место. Будешь распоряжаться вместе с Федей и Панькой. А я пойду на второй пост. Там очень много воров.

— Ишь, хитрый какой! Самое интересное себе выбирает. Туда бы и я пошел.

Степа долго смотрел на него, горько усмехаясь и покачивая головой. Несознательный винтик начал разбалтываться. Это угрожало всей машине. И он, стараясь скрыть досаду, сказал:

— Ладно, я пойду на колоски. Ты говоришь, там неинтересно? Ну вот, я пойду туда. Эх, кто тебя только звеновым выбирал! Ничего ты не понимаешь. Как будто работать надо только там, где интересно.

Этот разговор еще выше поднял авторитет Степы. Когда пошли обедать, Панька снова побежал за ним.

— Степа, знаешь?—каялся он задним числом.—Я ведь прямо нарочно не очень хотел ловить этого... ну, давеча. Потому что отец. А теперь я прямо ничуть не буду жалеть. Пускай только попадется.

Недалеко от гумна они увидели старичка. Степа рассказал про Смурова. Старичок тоже рассердился.

— А-я-яй, да как это можно—воров отпускать? Я же вам сказал: в случае чего ко мне бегите. Говоришь, он по всем полям ходил? По два снопа брал? Вот хитрый бес! А у полевода с ним печки-лавочки. Он, конечно, отпустит. Вы, ребята, следите за ним. Это человек вредный, опасный человек.

Проходя по селу, они наткнулись на тройку «кавалеристов», тащивших женщину с мешком и ситом. Женщина кричала и отбивалась. Это была та самая «санитарка», которую они видели в первый день, когда попались с горохом. Они помогли отвести ее в совет и сдать секретарю. Тройка об'яснила:

— Это тетка Анна, кривого механика. Она все время притворяется больной, на работу не ходит, а сама весь день полову сеет. Мы поглядели—в полове одно зерно. Откуда она взяла? Полову ведь не выдают.

Деревенские и тут показали себя молодцами. Лагерные бы тысячу раз прошли мимо и не обратили внимания. Ну, просевает и просевает. Очень нужно.

В конце села навстречу отпетым из одного двора вышла толпа ребят. Один из них, самый отчаянный по виду, подошел к Степе:

— Вот, примите нас в свою кавалерию. Мы раньше смеялись над вами. А теперь мы не будем...

— Да, мы не виноваты!—перебил его другой.—Это нас Ванька Саушев научал. И еще дедушка Андрей. Он говорил, вас там вредному учат, пионеров.

— Какой дедушка Андрей? Что вы врете?

Степа вспомнил загорелое лицо в мягкой бороде, улыбку, добрые голубые глаза. Да нет же, брешут они. Разве он может против пионеров настраивать?

— Ну ладно. Вы скажите Паньке, пускай он запишет ваши фамилии. Мы завтра поговорим о вас.

Ребята гурьбой побежали записываться к Паньке, а отпетые до самого лагеря шли, высоко подняв свои головы так, как будто на них смотрел весь мир.

(Продолжение следует)

ВОЛОДЯ ЕРМАКОВ

А. ВВЕДЕНСКИЙ

Рис. А. Брея

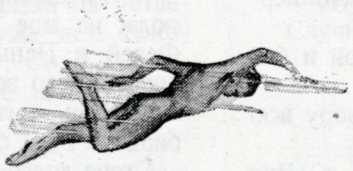
1

Стали пятеро ребят,
Стали рядом, говорят:
«Неширокая дорожка
Упирается в забор,
Но кто прыгает как кошка,
Перепрыгнет тот забор».
Я — нет,
Я — нет,
Я — нет,
Я — нет.

А Володя Ермаков
говорит:
«Вижу узкую дорожку
и забор.
Перепрыгну я как кошка
тот забор».
Пролетели три секунды:
раз, два, три.

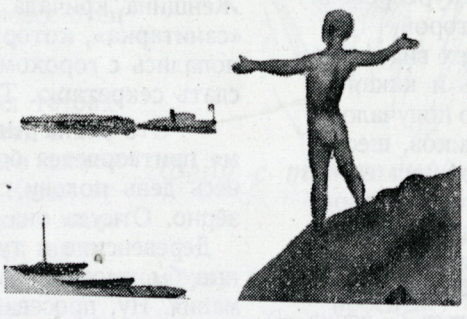
За забором стал Володя,
посмотри.

2



Стали пятеро ребят,
Стали рядом, говорят:
«Глубоки речные воды,
Из воды скала встает,
Кто скорее парохода
До скалы той доплывет?»
Я — нет,
Я — нет,
Я — нет,
Я — нет.

А Володя Ермаков
Говорит: «Я готов,
Вижу я: речные воды
И скалу.
Я скорее парохода
Доплыву».
Пролетели три минуты:
Раз, два, три.

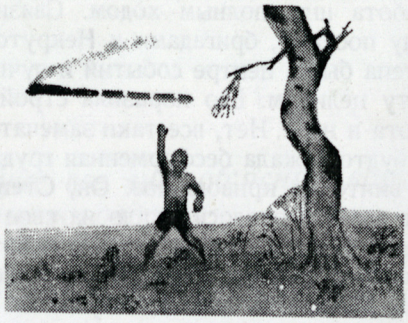


На скале стоит Володя,
Посмотри.

3

Стали пятеро ребят,
Стали рядом, говорят:
«На лугу стоит береза
И листочками дрожит,
Кто быстрее паровоза
До березы добежит?»
Я — нет,
Я — нет,
Я — нет,
Я — нет.

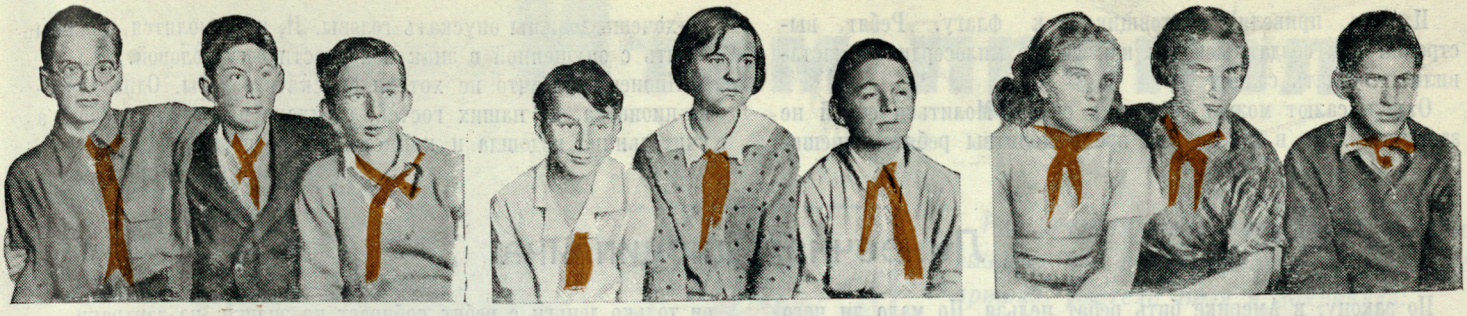
А Володя Ермаков
Говорит: «Я готов,
Вижу я стоит береза
На лугу.
Я быстрее паровоза
Добегу».
Пролетели три минуты:



Раз, два, три.
У березы наш Володя,
Посмотри.

4

Замечательный бегун
Ермаков,
Замечательный прыгун
Ермаков,
Удивительный пловец
Ермаков,
Физкультурник молодец
Ермаков.



Американские гости

Американцы гурьбой ввалились в редакцию. Человек восемь из них уселись на диван, на котором обычно больше трех человек не сидит, остальным понатаскали стульев из соседних комнат, и они уселись на стульях. В комнате стало тесно, но американцы не обижались. Это были свои американцы — школьники из советской школы, раньше учившиеся в Америке. Некоторые из них приехали совсем недавно и даже говорить по-русски еще не научились как следует.

Мы позвали их в гости для того, чтобы они рассказали нам про американские школы, чем они отличаются от наших, какие в них законы и обычаи.

Каждый из наших гостей принес с собой свое сочинение про американскую школу. К сожалению, мы не можем их напечатать: это заняло бы слишком много места. Мы расскажем коротко самое интересное из того, что говорили и написали американские ребята.

Замечательная школа. Все ли такие в Америке?

Четыре с половиной года назад Ирэна училась в школе им. Линкольна в Нью-Йорке. В этой школе было все, что можно было только придумать интересного. Ну что можно придумать? Бассейн для плавания?

Был и бассейн для плавания, огромный бассейн в нижнем этаже. Две больших гимнастических залы: одна для девочек, другая для мальчиков. Библиотека с тысячами книг по всем наукам. Школьное кафе.

Театр? Был и театр. Каждую неделю школьники собирались в большом зале и слушали концерты и оперы. Оперы ставили ученики старших классов. Из них была составлена оперная труппа со своими певцами, со своим оркестром.

В школе издавалась печатная газета, точка в точку такая, как для взрослых, только маленькая. Она печаталась в школьной типографии самими школьниками и выходила раз в неделю. В газете печатались анекдоты, школьные сплетни, описывались вечеринки: кто на них был, как был одет; школьные новости, спортивные известия: кто с кем играл, кто кого побил. Кроме газеты школьники издавали журнал на прекрасной бумаге, с цветными картинками.

А как учились?

Совсем иначе чем у нас. Когда учили историю, класс разделили на группы по четыре человека и каждой дали свою тему. Школьники шли в библиотеку, выбирали себе книги по данной теме и делали доклады классу. Каждый старался придумать, как бы сделать доклад поинтересней.

Одна группа по своей теме сделала целую кинокартину. Достали костюмы, нарядились и сыграли сцену из того времени, которое они изучали по истории. Все это они сняли киноаппаратом. Получился настоящий фильм.

Другие придумали передавать свой доклад по радио. Третьи написали пьесу на свою тему.

Когда учили физику, то из класса в класс, по коридорам, школьники сами проводили телефон и телеграф.

— Какие замечательные школы в Америке, — сказали мы, когда выслушали Ирэну. — Неужели все вы учились в таких школах? — спросили мы у остальных ребят. Ребята замахали руками.

— Что за чепуха! — сказали ребята. — Конечно, нет. Ведь это частная школа. Спросите-ка у нее, сколько стоило там учиться.

— Тысячу долларов в год, — ответила Ирэна.

— А-а! — сказали мы. — Тысячу долларов, две тысячи рублей золотом в год, теперь все понятно.

Не будем отдавать салют.

В разных штатах Северной Америки разные школьные обычаи. Но есть один общий для всех школ. Утром, в один и тот же час, в одну и ту же минуту, во всех школах читают молитву и отдают салют национальному флагу.

Отдавать салют флагу в американских школах так же обязательно, как снять пальто. Без этого занятий не начинают. Попробуй только не отдать салют, такое пропишут...

В школе, где училась Дора, несколько пионеров не стали салютовать флагу. «Чем заставлять нас молиться господу богу и отдавать салют, вы бы лучше кормили нас горячими завтраками. Не будем салютовать, и все тут!»

Директор школы увидел, что пионеры бунтуют всю школу, взял и исключил бунтовщиков из школы.

По американским законам, ребята до шестнадцати лет обязаны учиться в школе. Если они не учатся, родителей штрафуют; когда пионеров исключили из обычной школы, им осталась только одна дорога — в реформаториум. Это исправительная школа для всех исключенных, вроде тюрьмы, с очень строгими порядками.

В городишке, где училась Дора, жило много рабочих. Когда ребят исключили, в городе поднялся шум. Родители пошли скандалить к директору. Директор сначала низачто не хотел принимать обратно пионеров, а потом, когда родители нажали, уступил, но только с одним условием, — чтобы ребята отдали салют флагу.

И вот привели бунтовщиков к флагу. Ребят выстроили как солдат, девочек как сестер милосердия и заставили их отдать салют.

Отдать салют можно заставить силой. Молиться силой не заставишь. Но в школах во время молитвы ребята хочешь-не-хочешь должны опускать головы. И, пока молятся, должны стоять с опущенной в знак покорности богу головой.

Пионеры низачто не хотели опускать головы. Одна девочка-пионерка, из наших гостей, стояла с поднятой головой, а учительница подошла и как стукнет ее по шее.

Линеечная дисциплина

По закону, в Америке бить ребят нельзя. Но мало ли чего нельзя! Водку там тоже запрещали продавать, а ее из-под полы продавали еще лучше чем в магазинах, да и пили на глазах полиции.

Так и с битьем. Нет почти такой школы, где бы не били школьников.

Самый любимый инструмент для битья — линейка. Линейкой бьют по пальцам, стукают по голове. Бьют еще поясом, но реже.

Одна учительница, миссис Эмс, не взлюбила мальчика-негра. Как-то на уроке она заметила, что он плохо слушает, взяла нарочно и спросила его. Мальчик, конечно, ни в зуб, ничего не мог ответить. Она только того и ждала. Схватила линейку и так стукнула по лбу, что линейка пополам.

Ну и дисциплина в школе, конечно, линеечная. Пока учитель в классе, — тихо как на кладбище. Он только за дверь— класс превращается в сумасшедший дом.

У американцев в каждом классе президент, из школьников, конечно. Но он только называется президентом. На самом деле он только деньги с ребят собирает на значки, на завтраки — и больше ничего. Все его президентство в этом.

В некоторых школах бывает и суд. Школьный суд состоит из трех человек: судьи, прокурора и педагога. Защитника не полагается. У суда есть и власть. Он может заставить школьника просидеть в школе час после уроков в запертом классе — словом, посадить в тюрьму на час.

На суде говорят речи, проделывают всякие церемонии, но приговор выносят такой, какой хочет учитель. А учитель и без суда может присудить к наказанию.

Какие в американской школе наказания? Вот, например, опоздает ученик в школу. В наказание его заставляют написать тысячу раз подряд: «Я буду приходить вовремя, я буду приходить вовремя, я буду приходить вовремя...» И так тысячу раз.

Среди наших гостей были такие, которых заставляли писать по три тысячи раз. Три тысячи раз одно и то же! И не нашлось ни одного, которому не пришлось испытать это бессмысленное наказание.

Про американскую драку и футбол

В классе мальчики и девочки учатся вместе, но двор разделен на две половины. Если замечают какого-нибудь мальчишку на половине девочек, то его в наказание оставляют на час после уроков.

Девочек, в свою очередь, не пускают в мастерские. Технике обучают только мальчиков. Девчата занимаются рукоделием. Их учат шить платья разных фасонов и готовить. Домашних хозяек готовят.

Футбол — любимая игра американских школьников. В футбол играют не только мальчики, но и девочки, а мальчики, кроме футбола, любят еще и бокс. В Америке нет почти мальчиков, которые не знали бы бокса. А бокс — это не просто кулаками в лицо тыкать. Если выставить какого-нибудь нашего школьника-силача, драчуна и забияку против мальчика вдвое меньше, но знающего бокс, то маленький в два счета уложит большого.

Учитель физкультуры в школе, где учился Генри Заличин, один из наших гостей, советовал ребятам все споры разрешать боксом. Если два школьника поссорятся, он отводил их в гимнастический зал, давал боксерские перчатки и — деритесь, пока кровь из носу не пойдет.

Страна белых медведей, или Советский союз, по понятиям американских школьников

Алгебра как алгебра, геометрия как геометрия — одни и те же, что у нас, что в Америке. Но вот история совсем другая. О классовой борьбе не говорят ничего, а все о том, как один император воевал с другим, какой когда родился и когда умер.

Обществоведения и вовсе нет никакого. В одной школе учитель целый урок рассказывал про Советский союз. Он говорил, что это дикая страна, которая была и будет отсталой, где люди живут как собаки. Советский хлеб, — по рассказам учителя, — это клейкая, вязкая масса, есть его можно только с голодухи.

Дора рассказывала, как они научили учителя говорить не «Россия», а «Советский союз». Как только учитель скажет «Россия», так пионеры хором поправляют «СССР». Учителю так это надоело, что он хотя и продолжал рассказывать небылицы про нашу страну, но называл ее уже СССР.

Даже о географии Советского союза там самые путаные понятия. Когда один мальчик собрался ехать в СССР, ему советовали, во-первых, взять с собой больше мыла, потому что в СССР нигде не моются. Во-вторых, надеть три пары белья и по крайней мере два пальто, потому что в СССР так холодно, что снег лежит даже летом. По их понятиям, Советский союз находится чуть ли не весь в Арктике.

В классе раз задали вопрос, растет ли хлопок в Советском союзе, и все школьники ответили хором:

— Нет, потому что там слишком холодно.

Американские ребята, которые были у нас в гостях, решили написать книжку: «Что было в Америке и что мы застали в Советском союзе». Эту книжку они собираются послать в Америку. Пока они пишут про то, что здесь увидели, в американский журнал «Новый пионер». Это пионерский журнал — тезка нашего «Пионера». Через наших гостей мы просили передать заокеанскому тезке наш пионерский привет.

Тут-Итам пропал

Рис. Горячева

Примите в артель, товарищи, честного человека.

Во дворе он поймал дворнягу.

Портрет Тут-Итама сунули в нос Пику: — запомни, чем он пахнет.

Раз вечером наша сотрудница в тревоге вызвала нас по телефону в редакцию. Мы пришли. Влетела Валя и закричала:

— Вы тут сидите, а там ищут Тут-Итама!

Никто ничего не понял.

— Тут-Итам пропал!—крикнула Валя,— его украли!

Валя плакала и топала ногами. Мы вскочили с мест и делали то же самое. Так прошло полчаса. Наконец какой-то мужчина открыл дверь.

— Ежели вы поденно, то я тоже могу. Примите в артель, товарищи, честного человека.

Но редактор сразу осадил нахала:

— Тут-Итам пропал. Надо искать Тут-Итама!

— И это я могу,—сказал мужчина,—и тама и здеся, кругом могу искать. Я сыщик.

— Из угрозыска? — обрадовался редактор.

— Зачем из угрозыска? — хрипло прошептал мужчина.—Я сам от себя Любитель. Найду, дайте только бумагу. С печатью, смотрите, мне.

— Ах, голубчик!—это Валя крикнула так. И уж строчит бумажку, мандат от редакции.

— Я вижу у вас без бюрократизма и волокиты,—сказал сыщик, когда Валя сунула мандат на подпись редактору.

— Позвольте,— сказал редактор,— а имя? Кому же выдан мандат? Нельзя же так: «Очень симпатичному сыщику». Как ваша фамилия?—спросила Валя сыщика.

— А ваша?—спросил сыщик.

— Моя—Поддубная,—сказала Валя.

— А моя Подлипкин,—сказал сыщик.

— Она серьезно Поддубная,—сказал редактор.

— Я тоже шутить не люблю, — сказал сыщик.

Валя уже вписала: «Мандат сыщику Подлипкину», прихлопнула печатью и расписалась за редактора. Мы не успели оглянуться, как мандат был уже в кармане у сыщика.

Он сразу свернул кепку на самое ухо и промолвил:

— Позвольте, она схватила мой бутерброд!

На наших глазах Пик вцепился зубами в штаны почтенному старику.

Мы слышали, как к нам стучались, но мы молчали.

— Чтоб не узнали—и дайте мне чье-нибудь пальто.

Он стал тут же примерять с вешалки нашу одежду, но, к счастью, ни одно пальто не пришлось.

— А чего искать-то? — спросил наконец сыщик.

Тут обнаружилось, что он ничего не понял. Ему показали портрет Тут-Итама.

— У вас есть собака?—спросил редактор.

— А как же? За дверьми ждет.

Он вышел и через минуту вернулся с собакой.

— Пик, Пик! Иси-куси! — кричал сыщик.— Это она потому упирается, что знает — нечего ей тут искать. Ты понюхай, Пик.

Сыщик сунул портрет Тут-Итама в нос Пику:

— Запомни, чем он пахнет! Теперь не беспокойтесь,—сказал он.

— Позвольте, она мой бутерброд схватила!—закричал наш сотрудник Шатилов.

— А что?—прикрикнул на Шатилова сыщик.—Вы думали, она камни кушает? Если вы можете камни кушать, скушайте тарелку. Ага, не хочется! Так за что вы собачку ругаете? Вы ей все настроение спортили, она нюх от этого теряет. Ага! Теперь поняли. Дайте шесть рублей денег вперед.

Мы быстро выложили по рублю. Валя плакала и кричала: «Скорей, скорей, спешите!» Мы тоже хотели, чтоб Подлипкин ушел скорей. Он взял пять рублей и потащил Пика на ремне.

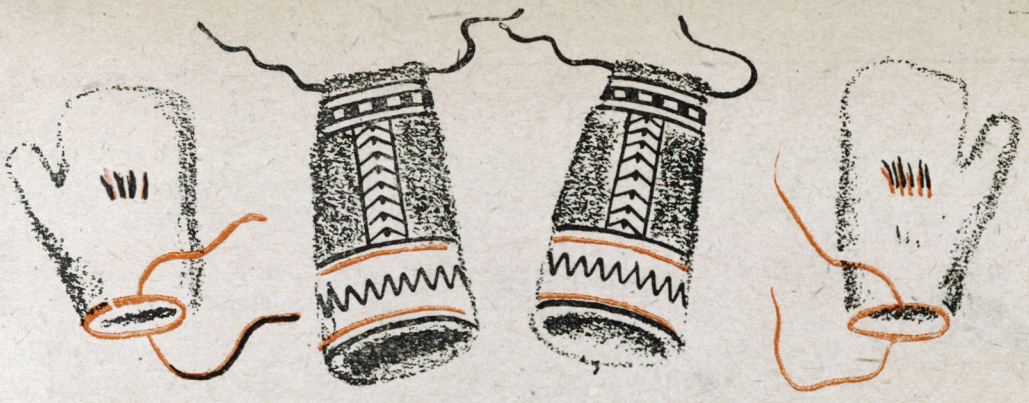
Мы смотрели в окно. Мимо проходили ряды людей с какого-то собрания. Мы видели, как сыщик с Пиком на ремне присоединился к группе. На наших глазах Пик вцепился зубами сзади в штаны какому-то почтенному старику.

— Нашел, нашел вора!—закричала Валя и запрыгала от радости.

Но мы быстро опустили шторы, а Шатилов запер покрепче дверь, потому что было ясно, что собачка ошиблась.

Мы слышали, как к нам стучались, но мы накрутили Вале на голову два пальто и сами тоже молчали. Мы боялись выходить до вечера. Восемь раз звонил телефон, но мы не подходили.

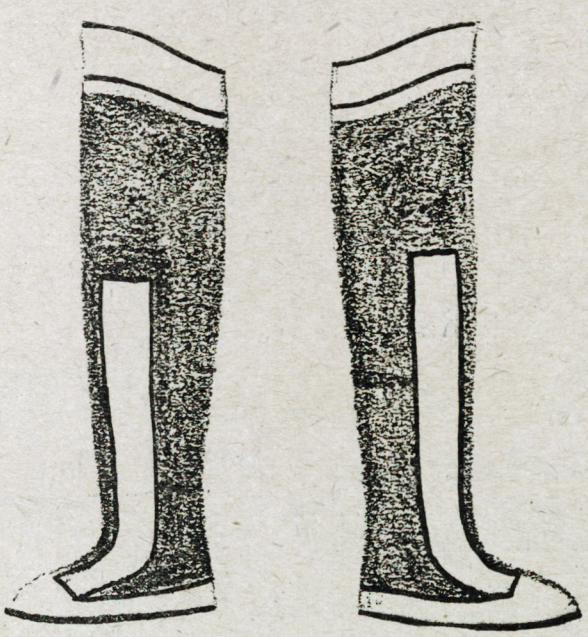
(Продолжение следует)



Меховые рукавицы с нарукавниками.

Вожжей у чукчи нет. Он втыкает прикол в снег перед бараном нарт — и вот они остановились.

Собаки падают от сильного толчка и воют. Лаять ездовые собаки не умеют и не охраняют хозяйское добро. Чужой ли человек к ним подошел или свой —им все равно. Дело в том, что в первый же день их рождения хозяин спустил их в глубокую яму вместе с матерью и там держал, пока они не набрались достаточно сил, чтобы бежать в упряжке. Из ямы собаки выходят робкие и недоверчивые.



Меховые сапоги чукчи.

На оленях удобнее ездить, чем на собаках. Оленьи нарты шире собачьих потому, что след двух бегущих рядом оленей шире следа собачьей упряжки. В каждую нарту запрягают пару оленей.

Вот дорога идет лощиной между цепями гор. Вся долина усеяна большими острыми камнями. Каждую минуту можно налететь на острый камень. Здесь легче ехать на оленях, чем на собаках, потому что оленей легче осадить. Вот тропинка упирается в гору, дорога разделилась на две тропы: одна тропа подымается по горе извилинами, а вторая идет вверх, по чуть ли не отвесной стене. Пологая тропа—лошадиная, а другая—оленья. Люди слезли с нарт и идут рядом с оленями. Ноги не держатся на скользком, обледенелом снегу, и люди ползут вверх на четвереньках. Они сняли с себя свои шубы—кухлянки, им жарко, несмотря на мороз. А олени поднимаются на гору тихими, но твердыми и верными шагами. Копыто оленя остро как топорик.

Едет ли чукча на оленях или на собаках, он не может в дальнем пути спокойно вздремнуть на своих нартах. Измученный не меньше своих собак и оленей, возвращается он в свое жилище. Это большой шатер, сделанный из жердей, покрытых оленьими или моржовыми шкурами. Внутри горит костер. В костре горят не дрова, а кости, облитые китовым жиром, и мох. В большом шатре, по стенам, устроено три или четыре маленьких полога. В пологе в светильнях горит тот же мох, облитый жиром, и здесь так тепло, что люди снимают с себя все одежды и сидят нагишом.

А кто это там кричит? Да это граммофон! Чукчи любят его слушать и заигрывают пластинки насмерть.

(Окончание на следующей странице).

Чукотские лыжи.

Цена 25 коп.

Рисунок чукотского мальчика. Езда на собаках.

Маленькому чукче надоело слушать граммофон, он просит у бабушки сказку. Бабушка рассказывает ему о том, как бились в старину

Расшитая сумка

чукчи с коряками и как один чукча побивал пятерых коряков. Но лучше пусть старуха расскажет сказку про моржей. Маленький чукча любит слушать про моржей.

— Мало стало нынче моржей!—вздыхает старая чукчанка.

А моржи чукчам нужны. Из их кишок делается непромокаемая одежда; их клыки идут на разные мелкие поделки, их жир и мясо чукчи едят, их кожей хорошо покрывать жилище, и ремни из нее получаются крепкие.

Охота на моржей не менее опасна, чем война. Охотник на моржей должен быть не менее храбр, силен и ловок, чем тот его предок, что побивал один пятерых коряков.

Чучки охотятся на моржей в лодке. Они бросают в моржа гарпун, привязанный к длинной веревке. Другой конец веревки привязан к бочонку. Бочонок люди сталкивают в воду и быстро плывут к берегу. Если не успеют убежать, раненый морж бросится к лодке и пото-

Меховой коврик.

пит ее клыками. Но лодка успела уйти от моржа. Морж бьется в воде, пытаясь освободиться от гарпуна, и ослабевает от раны. Тогда люди ловят бочонок и подтаскивают моржа к берегу. Здесь моржа убивают топорами.

Маленький чукча, слушая рассказ бабушки о битве людей с моржами, то хватается за нож, висящий у его пояса, то, волнуясь, сует в рот кусок сушеной рыбы. Это самая интересная сказка: он слушает ее каждый день, и она ему не надоедает.

Расшитые туфли из оленьего меха.

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда".
Сдан в набор 27/IX 34 г., подписан к печати 6/XI—34 г. Изд. № 1081 Формат 1 1/2 62×94 см. 1/2 б. л. 135 000 п. зн. бум. л.
Уполномоченный Главлита № В—94831 Заказ № 154 Тираж 50.000
Типография газеты „Правда" им. Сталина, Москва, ул. „Правды", 8.